

Санкт-Петербургский государственный университет
Филологический факультет
Кафедра общего языкознания

**ПОЗИЦИЯ ВТОРОСТЕПЕННОГО УДАРЕНИЯ В
ЮЖНОАУКШТАЙТСКОМ ДИАЛЕКТЕ ЛИТОВСКОГО
ЯЗЫКА**

Дипломная работа

студента IV курса
отделения балтистики
Никиты Сергеевича Аграновского

подпись

Научный руководитель
асс. А. Д. Даугавет

«___» _____ 200__ г. _____

подпись

Санкт-Петербург, 2009

Содержание

Содержание	2
Введение	3
1. Теоретическая часть	5
1.1. Общая характеристика южноаукштайтского диалекта	5
1.1.1. Вокализм	6
1.1.2. Консонантизм	7
1.1.3. Основные особенности морфологии	8
1.2. Типы, функции и статус второстепенного ударения в южноаукштайтском диалекте	8
2. Практическая часть	19
2.1. Частота появления второстепенного ударения в южноаукштайтском диалекте	19
2.2. Позиция второстепенного ударения	23
Заключение	39
Литература	42
Приложения	43

Введение

Данная работа посвящена позиции второстепенного ударения в южноаукштайском диалекте. Этот говор был выбран объектом исследования не случайно. Южноаукштайтский диалект является одним из наиболее близких к литературной норме, что облегчает и делает более продуктивными отдельные аспекты анализа. В южноаукштайтском диалекте, как и в литературном литовском языке, второстепенное ударение реализуется на многосложных (два и более слогов) фонетических словах. Принципиально число второстепенных ударений ограничено только количеством слогов в слове, однако, как правило, на одном фонетическом слове реализуется одно и лишь изредка два второстепенных ударения.

Обычно выделяют два основных типа второстепенных ударений – ритмическое и морфологическое. Ритмическое ударение встречается чаще и обусловлено стремлением речи к ритмизации, которая характерна не только для поэтического текста, но и для языка повседневного общения. Такие ударения произносятся достаточно четко. Часто они участвуют в образовании фразовой интонации и подчеркиваются логическим ударением.

Ритмическое ударение может быть либо хореическим, либо дактилическим. При хореическом ритме второстепенное ударение будет реализовываться на каждом третьем слоге, начиная с места главного ударения; при дактилическом на каждом четвертом. При этом такое ударение может находиться как перед, так и после основного ударения.

Морфологическое ударение обуславливается акцентной силой или слабостью морфемы и может находиться на любом слоге фонетического слова. Исследователь южноаукштайтского говора А.Ляскаускайте предлагает разделять второстепенные морфологические ударения по их способности или неспособности выполнять дистинктивную или словоразличительную

функцию. В то же время А.Д.Даугавет, касаясь в своих работах второстепенного ударения в литовском языке в общем и в южноаукштайтском диалекте в частности

Основной целью работы является выявление факторов, определяющих позицию второстепенного ударения в южноаукштайтском диалекте. Для этого будет использован составленный А.Ляскаускайте корпус текстов, который является наиболее полным собранием записей речи носителей этого диалекта. Материалом исследования станут записи речи носителей кучунского говора южноаукштайтского диалекта. Предполагается создать полный список примеров второстепенного ударения, который можно будет использовать как в настоящей работе, так и в последующих исследованиях.

Как я уже говорил, в литовской филологии существует большое количество работ, посвященных различным вопросам диалектологии, однако в отношении отдельных поддиалектов все еще можно сказать достаточно много нового. Поэтому в рамках настоящей работы существует возможность представить и интерпретировать данные, которыми ранее никто в таком ракурсе не занимался, а потому она представляется мне интересной и перспективной. Я полагаю, что полученные результаты и выводы, которые будут сделаны на их основании, можно будет в дальнейшем применить в рамках еще более углубленного анализа данной проблематики.

1. Теоретическая часть

1.1. Общая характеристика южноаукштайтского диалекта

Прежде, чем мы обратимся непосредственно к теории, хотелось бы сказать несколько общих слов об объекте исследования.

Диалектология в Литве является активно развивающейся научной областью, и все крупнейшие диалекты достаточно хорошо описаны и изучены. Однако в нашем случае нам придется руководствоваться достаточно узким набором источников, так как объектом нашего исследования стал отдельный поддиалект, которому, по понятным причинам, посвящено не так много научных трудов.

Основной вклад в описание этого говора внесла А.Ляскаускайте. Ею была составлена книга, в которой приведен большой объем текстов на кучунском говоре южноаукштайтского диалекта. В предисловии дано описание основных особенностей фонетики, морфологии, акцентуации, словообразования и синтаксиса. Поскольку существенных отличий в ряду других южноаукштайтских говоров в этих областях кучунский поддиалект не имеет, останавливаться подробно в рамках этой работы я на них не буду.

Другие источники, содержащие тексты и исследования на материале этого диалекта, крайне малочисленны. Слабая изученность говора обусловлена его политической изоляцией из-за близости с Польшей после Второй мировой войны.

Теперь мы переходим непосредственно к описанию отдельных явлений вокализма, консонантизма и основным особенностям морфологии.

В этой части работы будет дана краткая характеристика особенностей южноаукштайтского диалекта. Несмотря на то, что многие из описываемых ниже явлений на первый взгляд не имеют прямого отношения к теме работы, я все же считаю необходимым привести здесь эти данные по двум

причинам. Во-первых, практически вся литература, посвященная литовской диалектологии, написана на литовском, поэтому читатель, скорее всего, слабо ориентируется в особенностях отдельных говоров, а рассмотрение конкретных вопросов без представления общей картины кажется мне неверным. Во-вторых, в практической части работы я хочу сделать попытку найти закономерности в появлении второстепенных ударений, анализируя материал на всех возможных уровнях, а потому приведенные ниже данные могут оказаться вполне актуальными.

1.1.1. Вокализм

Среди прочих аукштайтских говоров южные аукштайты выделяются на основании того, что сочетания *am, an, em, en* сохраняются (как и у западных аукштайтов), но литературным *a, e* соответствуют долгие гласные верхнего подъема *u, i* (утратившие носовой резонанс, как и в литературном языке). Таким образом, формы *rankà* ‘рука’, *kaĩpas* ‘угол’, *meĩkas* ‘жалкий’, *teĩpia* ‘перевод’ не отличаются от литературной нормы, а в словах, содержащих *a, e*, происходят следующие изменения: *žųsis* ‘гусь’, *vaĩku* ‘детей’, *tĩsia* ‘перевод’, *kãtj* ‘кошку’ (ср. литер. лит. *žąsis, vaiką, tęsia, katę*). Однако в Кучунском диалекте это явление наиболее последовательно проявляется, по словам А.Ляскаускайте [Leskauskaitė 2006: 29], в конце слова, в то время как в корне качество [a·] может сохраняться неизменным.

В южноаукштайтском диалекте долгие гласные достаточно четко отличимы от кратких во всех позициях в слове. Первые компоненты акутовых дифтонгов, таких как *ùi, ìr, ìl, ìm, ìn, ùr, ùl, ùm, ùn*, подвергаются продлению. Они могут быть как долгими, так и полудолгими. Среди прочих особенностей упоминания заслуживает произношение *kàp* ‘как’ и *tèp* ‘так’ вместо литер. лит. *kaip* и *taip*, появление протетического *v* в начале слова перед гласными заднего ряда и дифтонгом *uo* (*vúoga* ‘ягода’, *vógas* ‘паук’, ср. литер. лит. *uoga, oras*), и не столь последовательное появление протетического *j* в начале слова перед гласными переднего ряда (*jýra* ‘он/она/они есть’, *jýlgas* ‘длинный’, ср. литер. лит. *ura, ilgas*). Помимо этого

в начале слова *e*, *ei* систематически заменяются на *a*, *ai* (*aĩna* ‘он/она/они идет/идут’, *āžaras* ‘озеро’, ср. литер. лит. *eina*, *ežeras*).

Акцентуация южноаукштайтского диалекта в целом соответствует литературной норме.

1.1.2. Консонантизм

В то время как в отношении вокализма южноаукштайтский диалект очень близок к литературному языку, его основные отличия проявляются в системе согласных. В первую очередь нужно отметить явление, известное как *dzūkavimas* («дзеканье»). Носителей диалектов, где это явление имеет место, называют *dzūkai* (дзуки). Южноаукштайтское дзеканье складывается из двух характерных особенностей: 1) аффрикаты *č*, *dž* заменяются на *s*, *dz* (*svėciai/svėcai* ‘гости’ вместо лит. литер. *svėčiai* и *mėdziai/mėdzai* ‘деревья’ вместо *medžiai*); 2) *t*, *d* и сочетания *tv*, *dv* заменяются на *s*, *dz* и *cv*, *dzu* соответственно перед вокализмом *i*-типа (*i*, *i̇*, *y*, *ie*) (*ciek* ‘сколько’, *dzidzis* ‘большой’, *dzvylika* ‘двенадцать’ — ср. литер. *tiek*, *didis*, *dvylika*). Перед любыми другими гласными *t*, *d*, *tv*, *dv* сохраняются неизменными. Так же изменений не происходит, если следующий за этими фонемами *i̇* исторически восходит к носовому *ę*.

Согласные *č*, *dž*, *t*, *d* сохраняются в составе новых заимствований из иностранных и литературного литовского языков. *Č*, *dž* помимо этого сохраняется также в звукоподражательных глаголах и после *š*, *ž*. (Считается, что произношение такого сочетания вызывает трудности для носителей диалекта [Zinkevičius 1994: 42]).

В родительном падеже множественного числа от существительных типа *katė*, *dėdė* вместо ожидаемых *s*, *dz* (из *č*, *dž*) появляются очень мягкие *t*, *d* (напр., *katių*, *dėdų*).

Еще одну особенность южноаукштайтского говора составляет твердый *l* перед вокализмом *e*-типа (т. е. перед гласными *e*, *ė*, *ę*, *ei*), что дает такие формы как *lādas* ‘лёд’ (ср. литер. *ledas*), *su saulė* ‘с солнцем’ (ср. литер. *su saule*). В отдельных областях такое явление наблюдается и в отношении *r*.

1.1.3. Основные особенности морфологии

Основная морфологическая особенность южноаукштайтского диалекта — наличие в нем двух местных падежей. Первый представляет собой собственно местный падеж (инессив), выражающий нахождение внутри, напр., *asù miestì* ‘нахожусь в городе’ (ср. литер. лит. *esu mieste*) и соответствует литературной норме. В качестве второго местного падежа употребляется иллатив (изредка встречающийся в современном литературном литовском языке), который обозначает движение внутрь: *ainù miestan* ‘иду в город’, ср. литер. лит. *einu į miestą*). В некоторых областях используются формы одного из этих падежей для выражения обоих значений.

Кроме того, в южноаукштайтском диалекте используется отличное от литературной нормы окончание дательного падежа единственного числа для существительных первого и четвертого склонения: напр., *vaĩku* ‘ребенку’, *bróliu* ‘брату’ (ср. литер. лит. *vaikui, broliui*). Существительные третьего и пятого склонения в обоих родах в дательном падеже единственного числа имеют окончание *-i*: напр., *vāgi* ‘вору’, *sēseri* ‘сестре’ (ср. литер. лит. ‘*vagiui*’, ‘*seseriai*’).

Помимо этого нужно отметить, что в южноаукштайтском диалекте почти не встречаются местоименные прилагательные. Они используются только в качестве застывших существительных (напр., *margój* ‘рябая’ (кличка коровы)) [Zinkevičius 1994: 46]. Окончания местоименных прилагательных на сегодняшний день во всей парадигме представлены только в системе склонения местоимений (напр., *ciej* ‘те’, *jiej* ‘они’).

1.2. Типы, функции и статус второстепенного ударения в южноаукштайтском диалекте

В этой части работы я собираюсь представить данные, касающиеся типологии и характеристики второстепенного ударения в южноаукштайтском диалекте. В упоминавшейся мной ранее вступительной статье А. Ляскаускайте содержатся лишь самые общие замечания о

второстепенном ударении в кучунском говоре — говорится лишь, что оно может быть ритмическим и морфологическим, называется группа слов, которые могут сохранять архаичное место ударения, упоминается о чередовании основного и второстепенного ударения в числительных от 30 до 90. Поэтому ниже мы обратимся к статье того же автора, посвященной второстепенному ударению в южноаукштайтском диалекте, где эти его функции и факторы, влияющие на его позицию, освещаются подробнее.

Наряду с основным фонологическим ударением, в акцентном (термин, используемый Ю.С.Масловым [Маслов 1987: 74]) или фонетическом слове могут реализовываться одно (напр., *ˈpinigũ* ‘денег (gpl)’) или несколько второстепенных ударений (*ˌnɛpɑˈpɑ.sɑkʌʂu* ‘не расскажу’). Они могут произноситься как перед, так и после слога, несущего основное ударение (напр., *ˈpɑmɪrˈʂɑũ* ‘(я) забыл’ и *ˈpɑˈsɑkʌʂu* ‘расскажу’). Второстепенное ударение, по словам А.Ляскаускайте может иметь три функции: дистинктивную, делимитативную и вспомогательную кульминативную [Leskauskaitė 2004: 146].

Под дистинктивной функцией понимается способность второстепенного ударения разграничивать омонимичные слова или словоформы (напр., *kójos* ‘ноги’ (npl) и *ˈkójos* ‘ноги’ (gsg)), делимитативная функция выражается в том, что второстепенное ударение может выделять, например, корни в рамках составных слов (*ˌkɪtu.ˈziɛn* ‘на другой день’), кульминативная функция второстепенного ударения позволяет ему выделять границы слова в потоке речи.

А. Ляскаускайте выделяет два типа второстепенного ударения – ритмическое и морфологическое.

1) Ритмическое ударение характерно и литературному литовскому языку (как, впрочем, и русскому), однако наиболее часто оно встречается в языках с фиксированным ударением. Очевидно, это связано с тем, что язык стремится к ритмизации речи, но в таких условиях, когда ударение фиксированное, возможностей реализации ритма при помощи основных ударений у языка остается достаточно мало. Таким образом, либо нужно

выбирать слова таким образом, чтобы ритм составляли их основные ударения, либо на соответствующих слогах должно появляться второстепенное ударение. Поскольку коммуникативная функция для языка является основной, сложно предполагать, что стремление речи к ритму будет определять выбор тех или иных лексем.

В южноаукштайтском диалекте второстепенное ударение, по словам А.Ляскаускайте [Leskauskaitė 2004: 146], используется факультативно и проявляется при замедлении темпа речи и логическом ударении. Тем не менее, в сравнении с морфологическим второстепенным ударением в южноаукштайтском диалекте вообще и в кучунском говоре в частности ритмическое второстепенное ударение встречается чаще и произносится отчетливее [Leskauskaitė 2006: 38]. На последнее замечание следует обратить особое внимание, так как вопрос о том, различают ли носители языка слоги, несущие второстепенное ритмическое и морфологическое дистинктивное и недистинктивное ударение, в дальнейшем будет иметь особое значение.

В отношении функций второстепенного ритмического ударения необходимо отметить, что такое ударение не имеет словоразличительной функции и, в основном, исполняет делимитативную функцию.

Ритмическое ударение может появляться на каждом втором слоге, начиная со слога, несущего основное ударение (напр., *nepa'pá.sa kɔʂu* 'не расскажу'). В таком случае будет иметь место хореический ритм, а если на каждом третьем слоге, начиная с несущего основное ударение, то ритм будет дактилическим, напр., *paŋvaʒa'caú* '(я) приехал(а) обратно' (правда, в статьях А.Ляскаускайте существование дактилического ритма специально не оговаривается; позже о дактилическом ритме будет сказано подробнее).

В трехсложных словах второстепенное ритмическое ударение может реализовываться только в том случае, если основное ударение находится на первом или третьем слоге. В таком случае основное и второстепенное ударения как бы обрамляют фонетическое слово, создают его контур (напр., *grvu'ĩr* 'животных (gpl)').

В четырех- и пятисложных словах основное и второстепенное ударения обычно находятся, по словам А.Ляскаускайте [Leskauskaitė 2004: 148], на втором и четвертом слогах от конца слова (напр., *šaimi'nĩkas* 'хозяин'). Реже встречаются примеры, когда второстепенное ударение появляется на втором или третьем от конца слоге. В этом случае основное ударение оказывается на последнем или четвертом слоге от конца.

В словах, имеющих шесть, семь и более слогов, ударение также подчиняется хорейческому ритму. Поскольку таких слов в языке не так много, в этой связи нужно упомянуть фонетические слова, состоящие из знаменательного слова и энклитики, на которую тоже может падать второстепенное ударение (напр., *per_kru'siņi*. 'через грудь').

2) Вторым типом второстепенного ударения А.Ляскаускайте называет фонологическое, или дистинктивное морфологическое второстепенное ударение. Оно создает оппозицию отсутствию ударения и дифференцирует омонимичные слова или словоформы (напр., *'kojos* 'ноги' (gsg) и *'kojos* 'ноги' (npl)). Такое же второстепенное фонологическое ударение встречается в отдельных говорах западно- и восточноаукштайтского диалектов.

По словам А.Ляскаускайте, это ударение сложнее идентифицировать, нежели ритмическое, но, тем не менее, внимательные наблюдения показывают, что такие омонимичные формы как *v'ru*. 'легко открывающийся' (asg) и *'v'ru*. 'мужчин/мужей' (gpl) различаются по своему звучанию [Leskauskaitė 2004: 150]. Очевидно, это объясняется тем, что окончание родительного падежа множественного числа сильное и может получать основное ударение в словах другой акцентной парадигмы, а, следовательно, будет произноситься несколько интенсивнее.

В южноаукштайтском диалекте второстепенное морфологическое дистинктивное ударение могут получать:

1. окончания творительного падежа единственного числа существительных мужского рода (*su_s'mi'ku* 'на скрипке', *'b'ar_nu* 'парнем')

2. окончания родительного падежа множественного числа именных частей речи с основами на (i)a, (i)ā, (i)u (*kɔ.'pĩs,tu.* ‘копусты’, *'grĩ,bu.* ‘грибов’)
3. окончания родительного падежа единственного числа именных частей речи с основами на (i)ā, ē (*nuo_.'sĩe,nɔ.s* ‘от стены’, *tai_an_.'sáu,lɛ.s* ‘это на солнце’)
4. окончания дательного падежа множественного числа именных частей речи с основами на (i)ā, ē (*'kɔ,jɔ.m* ‘ногам’, *'kár,vɛ.m* ‘коровам’)
5. окончание второго лица единственного числа изъявительного наклонения настоящего времени (*jei_.'nɔ,ri* ‘если хочешь’)

Однако наряду с дистинктивным А.Ляскаускайте выделяет также и недистинктивное морфологическое второстепенное ударение, которое помимо южноаукштайтского диалекта употребляется в литературном языке и отдельных говорах южножемайтского и западноаукштайтского диалектов.

В южноаукштайтском диалекте такое ударение появляется в словах, состоящих из двух и более корней. Наиболее частые примеры представлены числительными от 30 до 90 (*kǎ.turaz'dǎ.šims* ‘сорок’).

Кроме того, второстепенное морфологическое недистинктивное ударение могут получать составные наречия, первым компонентом которых является числительное, а вторым – такие слова как *kaĩtas* ‘раз’, *sỹkis* ‘раз’, *dienà* ‘день’, *naktis* ‘ночь’ и т.п. (напр., *kiek,vĩenu.'ná.kc* ‘каждую ночь’, *'rĩrma,si'k* ‘в первый раз’). В других составных существительных в диалектологических записях обычно отмечается только основное ударение, однако иногда в них фиксируется и второстепенное морфологическое недистинктивное ударение.

Помимо этого второстепенное ударение может появляться на окончаниях глаголов первого и второго лица единственного числа сослагательного наклонения (напр., *'bĩtá.u* ‘был бы я’, *par'dúo,tá.u* ‘продал бы я’).

Достаточно часто второстепенное ударение появляется на морфемах, которые могут нести основное ударение. При этом, однако, не поясняется, идет речь о возможности получения этими морфемами основного ударения в других формах этого же слова, или об их способности в принципе получать ударение в этом диалекте.

Очевидно, здесь говорится об акцентогенности отдельных морфем в южноаукштайтском диалекте. Однако само понятие не заявляется и, следовательно, не обсуждается, хотя выделить хотя бы класс морфем, обладающих акцентогенностью, было бы интересно. Тем не менее, Ляскаускайте делает одно важное замечание. Вне зависимости от того, соотносим ли мы эти случаи понятием акцентогенности, не совсем ясным остается вопрос о том, почему такое ударение реализуется нерегулярно. Ляскаускайте высказывает предположение о том, что на появление второстепенного ударения на первом слоге приставочных глаголов (в принципе, это можно считать указанием на класс акцентогенных морфем) может влиять фразовая интонация и логическое ударение, когда оно реализуется на этом слове. Интонация, способная влиять на появления второстепенного ударения, может быть как нисходящей, так и восходящей, но последние случаи встречаются реже.

Одним из самых важных для нас замечаний А.Ляскаускайте является следующая фраза: «Во всех случаях сложно установить, к какому типу принадлежит второстепенное ударение – ритмическому или недистинктивному морфологическому, поскольку место их реализации совпадает» [Leskauskaitė 2004: 152].

Это утверждение послужит толчком к нашей дальнейшей дискуссии о типах и статусе второстепенного ударения. В отношении статуса я планирую опираться на статью А. Д. Даугавет, которая смотрит на эту проблему с позиций Петербургской фонологической школы. Однако сначала я обращусь к вопросу о функциях второстепенного ударения и факторах, влияющих на его появление и позицию.

Как уже говорилось выше, недистинктивное морфологическое и ритмическое ударения очень сложно различить, так как место их реализации совпадает. Однако на основании чего мы вообще можем утверждать, что в этом случае мы имеем дело с двумя разными типами ударения? Для того чтобы выделять тот или иной тип, нужно определить, есть ли условия появления того или иного ударения.

Условия для появления ритмического ударения в этом случае присутствуют, так как ритмическое второстепенное ударение невозможно только в том случае, если оно падает на слог, находящийся непосредственно перед или после слога, несущего основное ударение. Нужно, однако, сделать оговорку, что для ритмического второстепенного ударения по А.Ляскаускайте критерии немного уже, так как сказанное выше справедливо только в том случае, если учитывать возможность существования ритмического хореического и дактилического второстепенных ударений. А.Ляскаускайте же не упоминает о наличии ритмического дактилического второстепенного у южных аукштайтов – соответственно, второстепенное ритмическое ударение в таком случае может появляться только на слоге, отстоящем от несущего основное ударение на один, три и т.д. слога.

Исходя из вышесказанного видно, что все эти совпадающие ударения по своей позиции в принципе могли бы считаться ритмическими.

Теперь рассмотрим второстепенное морфологическое недистинктивное ударение. Такое ударение обусловлено акцентогенностью морфем (часто это те морфемы, на которые в других формах переходит основное ударение). Но в литовском языке ударение (с незначительными оговорками) свободное, соответственно, может падать на любую морфему в слове.

Но при этом морфологическое недистинктивное ударение совпадает с ритмическим, которое имеет оговоренные выше достаточно жесткие позиционные ограничения (к ним добавляется еще и не упомянутая у Ляскаускайте закономерность: абсолютное большинство второстепенных ударений находится перед основным и чаще всего реализуется в начале слова на приставке, энклитике или первом слоге корня). Таким образом,

совпадение места второстепенного морфологического и ритмического ударения видится достаточно странным. На это можно возразить, что такое сочетание лишь является возможным, но совершенно не обязательно. Но если предположить, что дактилический ритм как явление все-таки существует, то совпадений окажется гораздо больше. С чем может быть связана такая интересная закономерность?

Здесь мы приходим к одному из основных вопросов моей работы: какие еще факторы, кроме оговоренных выше, могут влиять на позицию второстепенного ударения?

В отношении ритмического и недистинктивного морфологического в практической части мы предполагаем подумать о следующем: возможно, акцентогенность морфем весьма условна, и все определяет фонетический контур слова, фразовая интонация, логическое ударение, позиция слова во фразе или еще что-то? В любом случае, говоря об акцентогенных морфемах, можно проанализировать, какие из них в схожих условиях получают ударение чаще. Может быть, акцентогенность категория не абсолютная, а относительная, и существуют более или менее акцентогенные морфемы (даже в рамках 1 класса)?

Говоря о приставочных глаголах, можно предположить, что высокая частотность появления ударения на приставке может объясняться актуализацией значения, которое вносит приставка. Наиболее очевидным примером может быть отрицательная приставка, но, возможно, такое предположение имеет смысл и в отношении других приставок.

Все эти вопросы будут подробно рассматриваться в Практической части настоящей работы.

Теперь я хотел бы коснуться взгляда А.Д.Даугавет на статус и типы второстепенного ударения.

А.Д.Даугавет так же, как и А.Ляускаускайте, выделяет два основных типа второстепенного ударения – морфологическое и ритмическое, однако в дальнейшем такое членение ставится ей под сомнение. О морфологическом ударении говорится, что оно встречается в двух случаях. Во-первых, оно

может отражать место основного ударения (например, 'sè,di 'сидишь' и de'vi 'носишь'). Очевидно, ударения такого типа появляются по аналогии. Во-вторых, второстепенное ударение может появляться на морфемах, которые находятся рядом с морфемой, получающей основное ударение (напр., жемайтское 'reik,dava 'часто бывает нужно'). В своей работе А.Д.Даугавет рассматривает второстепенное ударение на широком материале; в данном случае используется пример из жемайтского диалекта.

Как уже говорилось выше, то, что второстепенное ударение в литовском языке часто отражает место основного, представляется совершенно естественным, так как ударение в литовском языке является свободным.

Теперь я хотел бы обратиться к вопросу о фонологическом статусе второстепенного ударения. Напомню, что в обсуждавшейся выше статье А.Ляскаускайте фонологическими считаются только морфологические второстепенные ударения, имеющие дистинктивную функцию. Однако А.Д.Даугавет видит ситуацию иначе.

Морфологическое ударение обусловлено свойствами морфем, то есть значимых единиц, и не зависит от звучания слова, числа слогов в нем, свойств входящих в него согласных и гласных фонем. В литовском языке существуют минимальные пары, где составляющие их слова различаются только отсутствием и присутствием второстепенного ударения ('sè,di 'сидишь' и 'sèdi '(он/она/оно) сидит'; 'ko,jos 'ноги' (gsg) и 'kojos 'ноги' (npl)).

Литовские лингвисты традиционно считают фонологическими только морфологические дистинктивные ударения, отказывая остальным типам второстепенного ударения в таком статусе. Однако в литовском языке носитель языка не различает по звучанию слоги, несущие то или иное второстепенное ударение. Подтверждением этому может служить замечание А.Ляскаускайте о сложности различения совпадающих по своей позиции ритмического и морфологического недистинктивного ударения. Мы уже обращали внимание на это утверждение выше.

Таким образом, второстепенное ударение в литовском языке должно, по мнению А.Д.Даугавет, считаться фонологическим во всех случаях, так как

согласно принципу, выработанному Петербургской фонологической школой, звуки, ощущаемые носителем как одинаковые, должны иметь также и одинаковый статус.

Этот принцип кажется мне вполне справедливым, однако хотелось бы обратить внимание на отдельные замечания, присутствующие в работах А.Ляскаускайте: 1) морфологическое ударение не отчетливое, поэтому его сложнее заметить [Leskauskaitė 2006: 38]; 2) в статье А.Ляскаускайте говорится о том, что в свое время обсуждалась омонимичность таких форм, как *vīgu*. ‘легко открывающийся’ (asg) и *vīgu*. ‘мужчин/мужей’ (gpl) [Leskauskaitė 2004: 150]. Как утверждает А.Ляскаускайте, после внимательного прослушивания этих слов без контекста удалось подтвердить небольшую разницу в произношении. Очевидно, что с ритмическим ударением таких проблем не возникало. Таким образом, мне сложно однозначно утверждать верность того или иного взгляда, поскольку для меня, как человека, не являющегося носителем этого говора, невозможно сделать собственные выводы о сходстве или различии звучания слогов под разными типами второстепенного ударения.

Тем не менее, нужно отметить, ритмическое второстепенное ударение тоже может звучать более или менее отчетливо и иметь более или менее регулярную реализацию. К тому же, невозможно сравнить звучание второстепенного ударения на заударном слоге двусложного слова, так как в этой позиции возможно только морфологическое ударение. Мы можем, например, предположить, что морфологическое второстепенное ударение в этой позиции может быть обусловлено теми или иными фонетическими свойствами, а не морфологией. Но зато в тех позициях, где фонетически и морфологически ритмическое и морфологическое второстепенные ударения сопоставимы, отличить друг от друга их невозможно.

Поэтому А.Д.Даугавет использует такие термины как морфологическое и ритмическое второстепенное ударения исключительно для удобства комментирования факторов, влияющих на второстепенное ударение в каждой отдельной форме.

Ритмическое второстепенное ударение встречается наиболее часто. Для литовского языка наиболее типичен хореический ритм, но встречаются также и примеры дактилического ритма (на их пропорции мы отдельно остановимся в Практической части работы). Также А.Д.Даугавет указывает на примеры своеобразного соперничества между хореическим и дактилическим ритмами в литовском (например, в таких формах как *apsilan'kydavo* '(он/она/оно) посещал (множественно)') второстепенное ударение может падать как на приставку *ap-*, так и на показатель возвратности *-si-*. В первом случае ритм будет дактилическим, во втором хореическим. Кроме того, это пример можно рассматривать и как такое же своеобразное соревнование между морфемами, поскольку обе они могут получать основное ударение и, соответственно, являются сильными.

Помимо этого А.Д.Даугавет упоминает также о факторах, нарушающих ритм второстепенного ударения. Для нас важно отметить, что для второстепенного ударения в аукштайтских диалектах долгота слога не имеет значения, а потому не может нарушать ритм, как это случается в некоторых жемайтских говорах, где второстепенное ударение вообще не может появляться на кратком конечном слоге.

Наконец, А.Д.Даугавет, сравнивая второстепенные ударения в литовском и латышском, упоминает так называемое «двувершинное» ударение. Речь идет о словах, представляющих собой последовательность из краткого конечного и долгого предыдущего слогов. Конечный слог несет основное ударение, а предшествующий долгий второстепенное.

2. Практическая часть

2.1. Частота появления второстепенного ударения в южноаукштайтском диалекте

В теоретической части работы мы описали основные взгляды на функции, статус и типы второстепенного ударения в южноаукштайтском диалекте. Однако основной целью работы является попытка объяснить, почему у южных аукштайтов второстепенные ударения занимают ту или иную позицию, и почему эти ударения встречаются в корпусе текстов достаточно неравномерно. Приведенные выше данные отчасти дают возможность делать некоторые выводы (например, понятно, что второстепенные ударения, выполняющие кульминативную функцию, будут находиться на первых и последних слогах фонетического слова), но составить из этих отдельных сведений четкую картину сложно. К тому же, в работах А.Ляскаускайте и А.Д.Даугавет описываются все возможные второстепенные ударения с точки зрения их типа и функции, но не рассматривается их частотность и наиболее характерные позиции (говорится только, что ритмическое ударение более частотно, чем морфологическое [Leskauskaite 2006: 28; Daugaviete 2008: 44]). Мне кажется, что собранные в ходе выполнения этой работы данные позволят расставить верные акценты также и в понимании функции второстепенного ударения в южноаукштатском диалекте, понять, в чем состоят его основные задачи и что, наоборот, находится на периферии.

Таким образом, мы попытаемся осветить два основных вопроса: каковы типичные и нетипичные позиции второстепенного ударения, и насколько однородной оказывается картина появления второстепенного ударения в речи разных носителей, проживающих в разных населенных пунктах. Эти аспекты очень тесно связаны между собой, поэтому такое разделение

достаточно условно и делается, в первую очередь, для удобства восприятия текста.

Материал, который будет анализироваться, взят мой, как уже упоминалось в Предисловии, из книги А.Ляскаускайте «*Kučių ūnų krašto šnektos tekstai*» («Тексты диалекта кучунского края»). Эта книга является крупнейшим корпусом текстов по южноаукштайтскому диалекту, а потому анализ этого материала даст наиболее полные и точные данные.

Общий объем диалектологических текстов в этой книге составляет 322 страницы (нам придется пользоваться этими неудобными единицами исчисления, так как цифровой вариант, к сожалению, недоступен, а потому говорить о количестве знаков не представляется возможным). Для удобства анализа мной был сделан полный список примеров второстепенного ударения, встретившихся в тексте. Этот список приведен в Приложениях. Общее количество примеров равняется 1760, то есть, в среднем примерно 5,5 на страницу (обращаю внимание читателя, что по техническим причинам список членился по листам, то есть, по две страницы – таким образом, на один лист приходится в среднем около 11 второстепенных ударений). Однако, как мы будем говорить ниже, такие подсчеты достаточно условны и требуют дополнительных комментариев. Примеры встречаются в текстах достаточно неравномерно – существуют листы (мы будем использовать далее эту единицу для удобства соотнесения со списком примеров), где встречается 1–3 второстепенных ударения (например, страницы 228–229, 230–231, 232–233, 264–265, 268–269, 274–275, 300–301, 302–303, 328–329, 340–341, 344–345 и 396–397, где примеров второстепенного ударения нет вообще). Есть и обратные примеры (33 – страницы 162–163, 30 – 210–211, 28 – 170–171, 26 – 158–159 и т.д.). То есть, среднее количество может превышать до трех раз.

Здесь будет уместным заметить, что используемый нами корпус текстов представлен записями речи не одного носителя, а многих, проживающих в разных населенных пунктах кучунского края. Тексты разделены по принадлежности к населенному пункту и по именам носителей. Я упоминаю

об этом потому, что, как показывают наблюдения, не бывает таких случаев, чтобы на соседних листах записи речи одного носителя было очень большое колебание количества второстепенных ударений (невозможно, например, чтобы на первом листе было пять второстепенных ударений, а на втором двадцать). Таким образом, можно утверждать, что количество второстепенных ударений в речи каждого носителя в целом достаточно стабильно. Это справедливо и в отношении жителей одних и тех же населенных пунктов (мы еще остановимся на этом вопросе подробнее). Однако, если сравнить среднее количество второстепенных ударений в речи жителей разных деревень, то данные будут отличаться. Рассмотрим эти случаи подробнее.

Всего в книге представлены записи речи девяти носителей из шести населенных пунктов. Это непосредственно *Kučiūnai*, а также *Miškiniai*, *Akmeniai*, *Pazapsiai*, *Briniai* и *Kaženiai*.

Записи речи носителя из *Kučiūnai* занимает 46 страниц, на которых зафиксировано 257 примеров слов с второстепенным ударением. Таким образом, в среднем здесь оказывается примерно 5,6 случая второстепенного ударения на страницу.

Записи речи носителей из *Miškiniai* занимают 92 страницы; найдено 762 примера; в среднем на страницу – 8,3.

Записи речи носителей из *Akmeniai* занимают 31 страницу; найдено 120 примеров; в среднем на страницу – 3,8.

Записи речи носителей из *Pazapsiai* занимают 107 страниц; найдено 315 примеров; в среднем на страницу – 2,9.

Записи речи носителя из *Briniai* занимают 36 страниц; найдено 299 примеров; в среднем на страницу – 7,7.

Записи речи носителя из *Kaženiai* занимают 6 страниц; найдено 10 примеров; в среднем на страницу – 1,7.

Конечно, сравнение всех этих результатов друг с другом не совсем корректно, так как разница между количеством примеров достаточно ощутима. Тем не менее, можно сравнить между собой данные по *Miškiniai* и

Pazapsiai, и результаты по Kučiūnai, Akmeniai и Briniai, которые сопоставимы по своему объему. Как мы видим, среднее количество встречающихся примеров разнится достаточно сильно, чтобы можно было сделать выводы о неравномерном появлении второстепенных ударений в речи носителей из разных населенных пунктов. Так, частота появления второстепенного ударения в речи жителей Miškiniai почти в три раза выше, чем в речи жителей Pazapsiai. Среднее количество примеров с второстепенным ударением в речи жителей Kučiūnai практически соответствует среднему значению (5,6 и 5,5). Поэтому можно предположить, что, по крайней мере, в этом отношении речь жителей Kučiūnai представляет собой некоторую норму, от которой в различной степени отклоняется речь жителей других населенных пунктов этой области.

Я подумал, что в отношении количества второстепенных ударений могла бы наблюдаться зависимость от географического положения населенных пунктов. Например, схожую частоту появления второстепенных ударений могли бы иметь находящиеся рядом на юге Pazapsiai и Briniai, в центре Kučiūnai и Kaženiai, Miškiniai и Akmeniai на севере. Однако такое предположение не оправдалось, о чем говорят приведенные выше результаты.

Последнее, о чем хотелось бы сказать в этой связи – насколько схожими окажутся данные по количеству примеров второстепенного ударения в речи жителей одного и того же населенного пункта. К сожалению, мы не обладаем записью речи нескольких носителей для каждой местности, поэтому утверждать что-то однозначно будет невозможно, тем не менее, мы попробуем рассмотреть с этой точки зрения хотя бы имеющиеся у нас материалы.

Итак, мы имеем записи речи двух носителей из Miškiniai, Akmeniai и Pazapsiai. Мы не будем сейчас подробно останавливаться на каждом, ограничимся только числами. В примерах из Miškiniai в речи первого носителя встречается в среднем 9 примеров второстепенного ударения на страницу, в речи второго носителя в среднем 7,7 примера на страницу. В

записях речи жителей Akmeniai у первого носителя второстепенные ударения появляются с частотой 4,3, а у второго с частотой 3,3. В записях речи носителей из Pazapsiai в речи первого носителя на одну страницу приходится в среднем 3,5 примера слова с второстепенным ударением, а в речи второго носителя 2,4 примера второстепенного ударения.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что среднее количество примеров слов с второстепенным ударением в речи жителей одного населенного пункта принципиально не отличается (хотя различия могут быть достаточно значительными). Однако внимание на себя обращают такие сильные расхождения в частоте второстепенного ударения, как у первого носителя из Miškinių (в среднем около 9 примеров на страницу) и второго из Pazapsiai (2,4 примера на страницу). Это говорит о том, что второстепенное ударение не может считаться регулярным и стабильным явлением для южноаукштайтского диалекта, а его появление или отсутствие может зависеть от конкретного носителя диалекта.

Мне кажется, что в рамках корпусной лингвистики можно найти объяснение тому, почему в речи разных носителей диалекта второстепенное ударение реализуется с настолько разной частотой, однако такой анализ выходит за рамки данной работы, и мы не будем пытаться сейчас объяснить это явление. К тому же, для того, чтобы результаты такого исследования можно было считать достоверными, необходимо большее количество примеров.

На этом мы заканчиваем разговор о частотности появления второстепенного ударения в рассматриваемом нами корпусе текстов и переходим к описанию его позиции.

2.2. Позиция второстепенного ударения

В этой части работы мы планируем обсудить вопросы, связанные с позицией второстепенного ударения. Прежде всего будет сделана попытка охарактеризовать типичные и нетипичные позиции второстепенного ударения. Предполагается также рассмотреть факторы, определяющие ту

или иную позицию, и на практике проверить, какие функции может выполнять второстепенное ударение в южноаукштайтском диалекте. Поскольку, как уже говорилось выше, основную сложность представляет совпадение позиции ударений, которые А.Ляскаускайте называет морфологическими недистинктивными и ритмическими, я предполагаю уделить основное внимание именно этим сложным случаям. Примеры, где позиция и функция второстепенного ударения легко объяснимы и классифицируемы, будут представлены несколько позже.

Для ответа на интересующие нас вопросы на материале списка примеров, представленного в Приложениях, были проведены подсчеты по следующим параметрам: место второстепенного ударения по отношению к основному (перед/после); позиция слога, несущего второстепенное ударение, в рамках фонетического слова; тип морфемы, несущей второстепенное ударение (клитика, приставка, корень, суффикс, окончание); количество слогов в фонетических словах с второстепенным ударением (2/3/4/5/более 5); ритм в фонетическом слове, несущем второстепенное ударение (хорей/дактиль/ритма нет)ударение на соседних слогах)). После обработки всех имеющихся примеров были получены следующие результаты.

Результаты (1761 пример (*реально примеров 1772, так как есть 11 случаев с 2 ударениями на одном слове):

*Второстепенное ударение перед главным – 1580, после – 192;

*Место второстепенного ударения (№ слога): 1ый – 1162, 2ой – 409, 3ий – 123, более 3его – 68;

*Морфема под второстепенным ударением: приставка – 720, корень – 688, клитика – 229, окончание – 74, суффикс – 61;

Количество слогов: 4 – 839, 3 – 417, 5 – 401, более 5 – 89, 2 – 15;

*Ритм: хорей – 1542, дактиль – 200, соседние слоги – 30.

Исходя из этих данных, можно утверждать, что в кучунском говоре южноаукштайтского диалекта существует несколько основных тенденций, характеризующих позицию второстепенного ударения. Во-первых, второстепенное ударение чаще всего находится перед основным и даже более того – стремится падать на первый слог фонетических слов (ниже мы обсудим, с чем это может быть связано). Во-вторых, можно также сделать вывод, что второстепенное ударение, вне зависимости от того, причисляем ли мы его к ритмическому или морфологическому типу, в подавляющем большинстве случаев падает на слог, отстоящий от слога, несущего основное ударение, на один. Таким образом, с точки зрения ритма в любом случае можно говорить о преобладании хорей. Кроме того, можно выделить типы морфем, на которые второстепенное ударение будет падать чаще всего. В кучунском говоре южноаукштайтского диалекта такими морфемами будут приставки и корни.

Можно представить себе предпочтительную позицию второстепенного ударения в южноаукштайтском говоре: первый слог фонетического чаще всего четырех и пятисложного слова, этот слог входит в приставку или корень и отстоит от слога, несущего основное ударение, на один слог.

Мы попробуем использовать эти данные для выявления факторов, определяющих позицию второстепенного ударения. Для этого мы предлагаем сформулировать основные тенденции и описать случаи, нарушающие общие закономерности. Таких генеральных тенденций несколько.

1) В целом, как мне кажется, не совсем верно пытаться провести однозначное разделение второстепенных ударений на морфологическое и ритмическое. Я полагаю, что практически во всех случаях, причисляемых к морфологическому типу, наблюдается взаимодействие с факторами ритма. Данные показывают, что позиция абсолютного большинства второстепенных ударений соответствует хорейческому ритму. Из этого следует, что также и большое количество ударений, которые А.Ляскаускайте называет морфологическими, входят в это число, а значит, совпадают в своей позиции

с чисто ритмическими. А.Ляускайте и сама указывает на это [Leskauskaitė 2004: 152]. Поэтому, если мы хотим найти примеры, где бы четко проявлялись морфологические или интонационные факторы, нам нужно обратить внимание на те случаи, где позиция второстепенного ударения соответствует дактилическому ритму, то есть нарушает основную тенденцию.

2) Во-вторых, морфологическое ударение часто нарушает сформулированное выше положение о том, что второстепенное ударение в большинстве случаев реализуется перед основным. К тому же, в тех случаях, когда второстепенное ударение появляется за основным, высока вероятность того, что оно будет падать на суффикс или окончания, а эти морфемы так же не являются типичными носителями второстепенного ударения.

Конкретные примеры будут рассмотрены ниже.

3) В меньшей степени такой подход применим по отношению к другим тенденциям – предпочтительному месту второстепенного ударения на первом слоге четырех- и пятисложных слов. Дело в том, что нередко фонетические слова имеют в своем составе одну и более клитику, а лишь в немногих случаях мы можем говорить о том, что такое объединение однозначно (как, например, в русском *за́ спину*). То есть, объединение значимого слова и клитики в одно фонетическое слово может быть достаточно условным, и поэтому делать на основании таких примеров далеко идущие выводы было бы неверно. К этому также можно добавить, что в тех случаях, когда мы имеем дело с фонетическим словом, имеющим в своем составе проклитику, возможен конфликт двух функций второстепенного ударения – кульминативной и делимитативной. Кульминативная функция второстепенного ударения будет «толкать» его на первый слог этого фонетического слова (чтобы выделить его границу в потоке речи), а стремление разграничить составляющие фонетическое слово лексические единицы (то есть, выделить первый слог знаменательного слова) на второй, третий и так далее. Какая из этих тенденций в чистом виде оказалась бы сильнее, сказать сложно, так как одновременно действует еще

несколько факторов (ритмический – стремление к хорее; морфологический – акцентогенность морфем знаменательного слова; в отдельных случаях можно говорить о влиянии интонации и логического ударения). Достаточно удачный пример можно привести в отношении интонационных факторов: *ar ti vi'ráuses* ‘самый ли ты старший’. *Ar* является эквивалентом русского *ли*, при его помощи начинается любое вопросительное предложение, и оно несет интонационное ударение. Еще один пример: *ǰǰu vɔ.kɛ'čir lakaĩs pradėi samagɔnu. káimi daríc* ‘еще во времена немцев (при немцах) начали в деревне самогон делать’. В этом случае интонация оказывается сильнее не только ритма, но и морфологического фактора – в литературном языке слово *vókiētis* ‘немец’ ни в одной форме не имеет ударения на окончании, то есть, корень в этом слове сильный, и можно было ожидать второстепенного ударения на корне, но оно, тем не менее, реализуется на клитике.

Таким образом, мы можем утверждать, что в отношении соблюдения закономерности, согласно которой второстепенное ударение появляется на первом слоге многосложных слов, имеющих четыре и более слога, уместно говорить о взаимодействии нескольких факторов. Тем не менее, нужно признать, что случаи, когда позиции основного и второстепенного ударения в словах с проклитикой не соответствуют хорейческому ритму (сейчас не так важно, обусловлена такая позиция ритмом или морфологическими факторами) встречаются очень редко.

Нередко фактор ритма оказывается настолько сильным, что в двусложной клитике второстепенное ударение падает не на обычное место основного ударения, а на соответствующее хорейческому ритму. Например: *pa gaĹ šai'mɔ's zĩzi*. ‘по размеру семьи’ и *pa gaĹ 'žá.mɛ.s. zĩzi*. ‘по размеру земли’ – слово *šeità* ‘семья’ в литературной норме имеет слабый корень, который отдает ударение окончанию родительного падежа единственного числа, а у слова *žėtė* ‘земля’ корень сильный и ударения на окончание родительного падежа единственного числа не отдает. Поэтому второстепенное ударение в клитике *pa gaĹ* падает в первом случае на второй слог (где в принципе реализуется основное ударение), а во втором на

первый. Это свидетельствует в пользу того, что в этом случае мы имеем пример чисто ритмического ударения.

Я полагаю, что если рассмотреть все эти случаи, где основные тенденции нарушаются, мы получим примеры, где морфологические факторы будут проявляться наиболее отчетливо, так как если были преодолены основные тенденции, значит, у языка существует реальная потребность в морфологическом ударении (или морфема является настолько сильной). Таким образом, можно будет говорить об однозначных примерах не ритмического ударения и, возможно, выделить группу сильных морфем.

Однако тенденция хореического ритма может нарушаться, очевидно, не только свойствами морфемы, но и потребностью в реализации кульминативной функции второстепенного ударения. При этом, как мне не кажется, будет уместно говорить не столько о влиянии одного из этих факторов, сколько об их совокупном действии. Приведем пример. В слове *,apsitvar'k'ikit* 'приберитесь' второстепенное ударение отстоит от основного на два слога, то есть не подчиняется типичному хореическому ритму. Приставка *ap-*, несомненно, является акцентологически сильной (тому есть много примеров), однако сильным является также и формант *-si-* (в литературном языке в тех случаях, когда корень отдает ударение на приставку, у возвратных глаголов оно будет реализовываться именно на показателе возвратности). К тому же, если бы второстепенное ударение падало на *-si-*, то в слове наблюдался бы наиболее частотный хореический ритм, однако этого не происходит. Очевидно, причина в том, что в этом случае кульминативная функция второстепенного ударения оказывается для языка более важной, чем ритм. Однако приходится признать, что так происходит далеко не всегда. Достаточно многочисленными оказываются примеры, где при аналогичном морфемном составе второстепенное ударение занимает другое место (например, *ap,sivər'šá.-us* '(он/она/оно) отелится'). С чем это может быть связано? Еще одним фактором, способным влиять на место ударения в подобных случаях, может быть ритмическая схема не только самого слова с второстепенным ударением, но

и всей фразы, а особенно слова, находящегося непосредственно перед примерами, аналогичными *apsitvar'k'íkit* и *ap,sivər'šá.-us*. То есть, если ударение в предыдущем слове находится на последнем слоге, вероятность того, что в следующем слове второстепенное ударение появится на первом слоге, будет несколько ниже. Это подтверждает контекст одного из упоминавшихся выше примеров: *tai _ mamíte/apsitvar'k'íkit* 'это мамочка (сказала) прибратся' – найти примеры, где второстепенное ударение было бы на первом слоге слова, идущего за словом, имеющим основное ударение на последнем слоге тоже можно, хотя таких примеров меньше (напр., *á.š nevejáú prisragist'rúoc* 'я «дунула» регистрироваться'). Это не значит, что если ударение в предыдущем слове не на последнем слоге, то второстепенное ударение на втором слове будет на первом. Но второстепенное ударение на первом слоге будет появлять несколько реже, если предыдущее слово имело ударение на последнем слоге (это положение справедливо, если предыдущее слово является многосложным и если между словами нет паузы).

К этому также следует добавить, что в тех случаях, когда речь идет о приставочных глаголах, появлению второстепенного ударения может способствовать логическое ударение на приставке. В первую очередь это справедливо в отношении отрицательной приставки *ne-*. Если сравнить случаи *ir _ ne-apsimɔ.'k'ej* и *ap,simɔ.'k'ec*, то видно, что во втором случае, где отрицательная приставка *ne-* отсутствует, второстепенное ударение падает на приставку *-si-*, однако в случае, где *ne-* присутствует, второстепенное ударение на *-si-* больше не появляется, хотя его позиция соответствовала бы хореическому ритму. Тем не менее, этот пример нельзя считать чересчур показательным, поскольку можно предположить, что в случае *ir _ ne-apsimɔ.'k'ej* формант *-si-* может тоже произноситься несколько интенсивнее, подобно тому, как в поэтическом тексте в случае отсутствия основного ударения над слогом многосложного слова, где оно должно быть согласно ритмической схеме, речь не идет о нарушении размера.

Однако существуют и такие примеры, где второстепенное ударение появляется на приставке *ne-*, нарушая тем самым хореический ритм, хотя в

такой же форме без отрицания второстепенное ударение подчиняется хорейскому ритму (*neparva'žúodaυ* и *kat _parva'žúodaυ*, *parva'žúoje*). Возможно, это говорит о необходимости выделить именно значение отрицания.

В отношении других приставок следует сказать следующее. Во многих европейских языках приставка может полностью менять значение слова (например, немецкие глаголы *kommen* 'приходить' и *umkommen* 'умирать', английские глаголы *to give* 'давать' и *to forgive* 'прощать'). В балтийских языках и, в частности, в литовском таких примеров так же достаточно много (*durti* 'колоть' и *atsidurti* 'очутиться'). Существуют случаи, где приставка вносит достаточно незначительные изменения в лексическое значение слова. Так, например, разницу между *sakiaū* '(я) говорил' и *pasakiaū* '(я) сказал' чаще всего описывают как схожую с русскими глаголами совершенного и несовершенного вида. Поэтому мы можем предположить, что в речи может наблюдаться тенденция к более интенсивному произнесению приставок, вносящих то или иное дополнительное значение. Тем самым это значение может актуализироваться.

Однако, говоря о подобных факторах, приходится признавать, что в большинстве своем они далеко не абсолютны, и часто можно найти обратные примеры. В первую очередь это объясняется тем, что многие тенденции являются взаимоисключающими и вступают в конфликт. Почему в тех или иных случаях одна тенденция оказывается сильнее другой сказать затруднительно. Возвращаясь к разговору об отрицательной приставке *ne-*, можно привести пример, где, очевидно, наблюдается такой конфликт. В фонетическом слове *ta(i) _iυ neparva'žúoje* второстепенное ударение оказывается на клитике *iυ*, что не соответствует моему предположению о стремлении выделять приставку *ne-* и предпочтительной позиции второстепенного ударения на первом слоге фонетического слова, но зато соответствует той тенденции, что хорейский ритм встречается гораздо чаще, чем дактилический. Кроме того, существует вероятность, что *iυ* тоже может выделяться логическим ударением.

Подводя промежуточный итог, можно сказать, что на позицию второстепенного ударения в приставочных глаголах (в целом это применимо для любых многосложных слов, имеющих в своем составе приставку) влияют сразу несколько факторов:

1. акцентологическая сила приставки
2. кульминативная функции второстепенного ударения
3. стремление языка к хореическому ритму
4. выделение приставки логическим ударением

Еще раз хочу отметить, что, по моему мнению, практически никогда нельзя говорить о действии только одного из этих факторов. По крайней мере первые три из них должны находиться в постоянном взаимодействии, и результат их контакта в аналогичных или даже идентичных формах далеко не всегда будет одинаков. Принципиально важно понимать, что каждая из этих тенденций говорит только о принципиальной возможности реализации ударения на том или ином месте, но никак не о том, что оно именно там и будет. В конечном счете, мы вынуждены признать, что второстепенное ударение не является четко нормированной категорией и во многом зависит от конкретного носителя языка (данные о частоте появления второстепенного ударения у разных носителей будут приведены позже).

Теперь я хотел бы сказать несколько слов о тех примерах, которые соответствуют классификации, предложенной А.Ляскаускайте. Начнем с примеров морфологических дистинктивных ударений.

Как мы уже говорили в теоретической части, А.Ляскаускайте называет несколько основных форм, в которых может реализовываться второстепенное дистинктивное ударение.

1. окончания творительного падежа единственного числа существительных мужского рода – примеров второстепенного ударения на этих окончаниях найдено не было.
2. окончания родительного падежа множественного числа именных частей речи с основами на (i)a, (i)ā, (i)u – примеры такого типа очень редко, но встречаются: 'cañ.tu. 'центов', an'gɔñ.ku. 'на

крыльце', *vīšņū. 'lá. pu.* 'листьев вишни', *'krá. pu.* 'укропа', *kэ. 'pīrs. tu.* 'капусты'. Других примеров этой формы с второстепенным ударением найти не удалось.

3. окончания родительного падежа единственного числа именных частей речи с основами на (i)ā, ē также очень редки: *'mál. kэ. s* 'полена', *baž' nī. ĉэ. s* 'церкви', *'dúo. nэ. s* 'хлеба', *an _ 'kuļ. bэ. s* 'на колоде'.
4. окончания дательного падежа множественного числа именных частей речи с основами на (i)ā, ē – примеров таких форм с второстепенным ударением обнаружить не удалось.
5. окончание глаголов второго лица единственного числа изъявительного наклонения настоящего времени – *kiek _ 'nó. ri* 'сколько хочешь', *kī _ 'nó. ri* 'что хочешь'.

Как мы видим, примеры второстепенных морфологических дистинктивных ударений крайне малочисленны. Это видится логичным с учетом того, что дистинктивное ударение должно по понятным причинам падать на флексию, а по нашим данным второстепенных ударений на окончаниях насчитывается всего 74. При этом необходимо понимать, что достаточно большое количество таких ударений не будет морфологическим

Во-вторых, наиболее легко морфологическое дистинктивное ударение определяется на двусложном слове. Однако среди всех имеющихся случаев присутствуют всего 15 примеров двусложных слов. Это означает, что такие примеры как *'no. ri* '(ты) хочешь', классифицируемые А.Ляскаускайте как случаи появления второстепенного морфологического дистинктивного ударения, встречаются очень нечасто, хотя именно в этих случаях статус и функция второстепенного ударения вызывает меньше всего вопросов (просто потому, что оно не может совпадать по своей позиции с ритмическим).

Поскольку разговор зашел о словах, где второстепенное и основное ударение реализуются на соседних слогах, я хотел бы коснуться еще одного

типа второстепенного ударения, который упоминался выше. Поскольку, как я уже говорил, слов с ударениями на смежных слогах оказалось очень мало, логично было предположить, что крайне редкими могут оказаться также и примеры двувершинного ударения.

Внимательное рассмотрение данных позволило установить, что в использованном корпусе текстов примеров двувершинного ударения не имеется. Таким образом, все случаи, где основное и второстепенное ударение реализуются на смежных слогах, являются примерами морфологического ударения. Единственный случай, отвечающий фонетическим требованиям двувершинного ударения, представлен формой родительного падежа множественного числа *ˌcɛñ.'tu* ‘центов’. Здесь действительно основное ударение находится на последнем кратком слоге, а второстепенное реализуется на предыдущем долгом. Однако это пример сомнителен по двум причинам. Во-первых, в литературном языке окончание родительного падежа множественного числа долгое. В тексте также встречаются примеры с долгим конечным *u*. В этом случае картина сразу меняется – *'cañ.ˌtu..* Тогда перед нами оказывается классический пример ударения, которое А.Ляскаускайте называет морфологическим дистриктивным. Но и в этом случае не наблюдается регулярности – имеется пример, где это окончание вообще не получает никакого ударения – *cañ.tu..* Во-вторых, слово *centas* является поздним заимствованием, а такие слова редко относятся к третьей и четвертой акцентной парадигмам, а потому форма с ударением на окончании невозможна в принципе. Конечно, в диалекте эти положения могут нарушаться, но все же, как мне кажется, этот пример, вероятнее всего, окказионален. Других примеров второстепенного ударения, удовлетворяющих критериям двувершинного ударения, найти не удалось. Можно было бы предположить, что если бы выполнялись фонетические условия (как это случилось в *ˌcɛñ.'tu*), двувершинное ударение могло бы встречаться, однако это предположение опровергают следующие примеры: *biednì* ‘бедные’, *dìjksì* ‘исчезнешь’, *viènà* ‘одна’. Последний пример особенно показателен, поскольку именно эта форма отмечается

А.Гирдянисом как типичный пример реализации двувершинного ударения [Girdenis 2005: 95].

Теперь обратимся к примерам морфологического недистинктивного ударения. Как мы уже неоднократно говорили, ударения такого типа совпадают по своей позиции с ритмическими, поэтому здесь мы сделаем попытку описать только те формы, которые имеют больше оснований считаться морфологическими. Для этого мы воспользуемся положениями о нарушении основных тенденций, сформулированными выше.

Однако прежде всего мы обратимся к данным, которые приводятся в статьях А.Ляскаускайте и проверим, есть ли примеры, которые подходили под предложенную ей классификацию.

Во-первых, А.Ляскаускайте отмечает, что в южноаукштайтском диалекте второстепенное морфологическое недистинктивное ударение встречается в словах, состоящих из двух и более корней, типичным примером чего являются формы числительных от 30 до 90. Таких примеров обнаружено очень много. В этой связи можно упомянуть о том, что в числительных второстепенное и основное ударение могут меняться местами, поскольку оба входящие в состав таких числительных корня совершенно равнозначны (например: *'peĩ.kez,dæ.šims* и *,peĩ.kez'dæ.šimtais*).

Также второстепенное ударение зафиксировано и в наречиях, вторым компонентом которых вступают такие слова как *kaĩtas* 'раз', *sỹkis* 'раз', *dienà* 'день', *naktis* 'ночь' (например: *'kìtu,sìk* 'в другой раз', *'cik_`viena,kar(t)* 'только однажды', *,kìtu.'zién* 'на другой день').

Примеров второстепенного ударения на окончаниях глаголов первого и второго лица единственного числа сослагательного наклонения обнаружено не было.

Однако у А.Ляскаускайте не упоминается, что ударение могут получать аттрактивные окончания винительного падежа множественного числа. Например: *'sé'te,ņes* 'семена', *рз.'licini,kas* 'полицейских', *,prieš_kalēdàs* 'перед Рождеством', *tuos_slāji,kus* 'те стеклянные банки'.

О примере *рз.'licini'kas* хотелось бы сказать еще несколько слов. В тексте неоднократно встречается форма *рз.'lici,nikas* (ср. литер. лит. *policininkas*, -ė ‘полицейский’), которое в одном случае получает необычное второстепенное ударение *рз.'licini'kas*. В литературном языке слово *policininkas* в винительном падеже множественного числа ударения на окончании не получает (*policininkus, es*), но зато ударение в этой форме получают существительные типа *darbiniñkas*, ė ‘рабочий’. У этих слов в формах винительного падежа ударение будет падать на окончание (*darbininkùs, ès*) Можно предположить, что такие же различия в парадигмах существуют и в южноаукштайтском диалекте, а слова второго типа в нем многочисленнее. Тогда в случае с *рз.'licini'kas* мы имеем дело с аналогией, которая оказывается сильнее фактора ритма.

Очевидно, акцентогенным является суффикс *-ùkas*, который в литературном языке всегда получает ударение. Например: *'bala,nùku., an_ 'væla,nùkə..*

Наиболее частым примером морфологического недистинктивного ударения является глагольный суффикс *-oti*. В литературном языке он бывает как ударным (*kouóti* ‘бороться’), так и не нести ударения (*váikščioti*). В кучунском говоре южноаукштайтского диалекта этот суффикс часто получает второстепенное ударение – самыми типичными являются формы глагола (*pa*)*pāsakoti* ‘рассказывать’, но встречается также и формы других глаголов, что дает возможность говорить о некоторой системности. Например: *ir_ pa'lái,dó'si* ‘и похоронишь’ (второстепенное ударение появляется на смежном слого со слогом, несущим основное ударение; это редкое явление, что может говорить о потребности языка выделить эту морфему), *'váikš,čó'j* ‘гулял (он/она/оно)’, *'pá.sa,kó'jə.* ‘рассказывал (он/она/оно)’ *'pá'rnač,və.įei* ‘(ты) переночевал’ и так далее.

Встречаются также и случаи факультативного проявления силы морфем, например: *stálas su _ sta'lĩrge,mi* ‘стол с подножками’. Окончание творительного падежа множественного числа существительных *ē*-основы в литературном языке является сильным, однако других примеров появления

второстепенного ударения на этом окончании в используемом нами корпусе текстов не найдено.

В отдельных случаях наблюдаются такие примеры второстепенного ударения, которые достаточно сложно объяснить. Например, в случае *'pá:r,skí.rc* 'разделить' второстепенное ударение на корне можно объяснить только тем, что приставка *per-* всегда получает ударение, и язык может стремиться показать, что несмотря на это корень все-таки является сильным.

Иногда морфологическое недистинктивное ударение может появляться на суффиксе *-inkas*, например: *jɔu 'viř.ři,nikas* 'уже начальник', *pɔ.'l'ici,nikas* 'полицейский'. Как мы уже говорили, здесь прослеживается влияние аналогии с существительными типа *darbiniñkas*, где этот суффикс является ударным.

Однако остается еще проблема регулярности появления второстепенных ударений. До настоящего момента мы комментировали только позицию второстепенного ударения – теперь мы обратимся к вопросу о причинах присутствия или отсутствия второстепенного ударения.

Казалось бы, с этих вопросов надо было начинать анализ данных, однако для того, чтобы понять, почему второстепенное ударение появляется или не появляется, нужно знать, какие позиции для него характерны. Благодаря наблюдениям, приведенным выше, мы обладаем некоторыми сведениями о типичном положении второстепенного ударения в кучунском говоре южноаукштайтского диалекта. В свою очередь эта часть должна была, как я себе это представлял в начале, поспособствовать прояснению факторов, влияющих на позицию второстепенного ударения, так как здесь я собирался сделать попытку выявить максимально возможное количество акцентогенных морфем.

К сожалению, говорить об акцентогенности морфем оказалось достаточно сложно. Это объясняется тем, что подавляющее большинство второстепенных ударений реализуется на приставках, первых слогах корня и клитиках. Клитики, разумеется, не могут рассматриваться в рамках анализа акцентогенности морфем, поэтому мы можем анализировать только

приставки и корни. Корни, в свою очередь, тоже не представляют собой интересный материал, поскольку каждый корень может рассматриваться только в отдельности, а потому это вряд ли даст какие-то системные данные.

Таким образом, для анализа нам остаются только приставки. Однако и в этом случае мы можем говорить только о принципиальной способности той или иной приставки получать второстепенное ударение. Чаще всего второстепенное ударение можно обнаружить на приставках *pe-*, *pa-*, *paŋ-*. Несколько реже второстепенное ударение получают префиксы *ap-*, *pu-*, *su-*, *pri-*. Достаточно часто приставки вступают в некоторое «соревнование» между собой, если в слове имеется две приставки, или с формантом *-si-*, если речь идет о возвратном глаголе. В этой борьбе обычно побеждает тот формант, который либо дает возможность реализации хорейческого ритма, либо является первым слогом фонетического слова. В таком случае следует говорить о кульминативной функции.

Однако все эти данные не очень способствуют пониманию того, почему в одних случаях одни и те же формы получают второстепенное ударение, а в других нет (например, *neturù* и *neturù*, *parvažúoj* и *parvažúoj*). Таких примеров очень много. Наше предположение о том, что в отдельных случаях появление второстепенного ударения может служить дополнительным выделением дополнительного значения, вносимого приставкой, может быть применимым для единичных случаев, но объяснить большое количество примеров оно не может.

Такая же нерегулярность появления второстепенного ударения характерна и для фонетических слов, не имеющих в своем составе приставки.

Логично было бы предположить, что причина присутствия или отсутствия второстепенного ударения в формах с одинаковым морфемным составом состоит не в свойствах морфем, а в факторах более высокого уровня. К таким факторам можно отнести интонацию и логическое ударение. Как мы предполагали в начале нашей работы, фразовая интонация

может влиять на появление второстепенного ударения, однако какой-либо четкой последовательной зависимости установить не удалось.

Таким образом, описание факторов, определяющих появление или отсутствие второстепенного ударения в кучунском говоре южноаукштайтского диалекта, требует, как мне кажется, отдельного углубленного исследования.

Заключение

В ходе работы были представлены основные взгляды на проблему второстепенного ударения в южноаукштайтском диалекте и непосредственно в кучунском говоре, а также предпринята попытка анализа примеров второстепенного ударения на материале корпуса текстов.

В рамках настоящей работы обсуждались два видения типов и статуса второстепенного ударения. С точки зрения А.Ляскаускайте второстепенное ударение делится на два основных типа – ритмическое и морфологическое. Морфологическое ударение в свою очередь может быть дистинктивным и недистинктивным. При этом дистинктивное второстепенное ударение будет обладать фонологическим статусом, а недистинктивное нет.

Другая точка зрения представлена статьей А.Д.Даугавет, которая смотрит на проблему второстепенного ударения с позиций петербургской фонологической школы. Основное отличие взгляда А.Д.Даугавет состоит в определении статуса второстепенного ударения. А.Д.Даугавет указывает на то, что поскольку второстепенные ударения, классифицируемые А.Ляскаускайте как ритмическое и морфологическое недистинктивное, невозможно различить в тех случаях, когда позиция сильной морфемы совпадает с ритмической схемой, для носителя диалекта слоги, несущие эти ударения, должны звучать одинаково. А раз второстепенное ударение может обуславливаться морфемой, то есть, значимой единицей, то его следует считать фонологическим во всех случаях. Мы, со своей стороны, согласны с таким пониманием этого вопроса и признаем предложенное А.Ляскаускайте разделение второстепенных ударений на типы достаточно условным. Однако, так же как и А.Д.Даугавет в своей статье, мы на протяжении нашей работы оперировали этими терминами в целях удобства, поскольку перед нами стояла задача проверить на практике возможность классифицировать анализируемые нами примеры по критериям, предложенным

А.Ляскаускайте. Такой анализ показал, что характерные особенности южноаукштайского диалекта, описанные А.Ляскаускайте не всегда соответствуют ситуации в кучунском говоре или, по крайней мере, часто нуждаются в уточнении.

Основным результатом работы является, как мне кажется, создание полного списка примеров второстепенных ударений, зафиксированных в использованном нами корпусе текстов. В ходе анализа этих примеров нами были установлены несколько характерных черт позиции второстепенного ударения.

Во-первых, второстепенное ударение чаще всего находится перед основным и даже более того – стремится падать на первый слог фонетических слов. Во-вторых, второстепенное ударение, вне зависимости от того, причисляем ли мы его к ритмическому или морфологическому типу, в подавляющем большинстве случаев падает на слог, отстоящий от слога, несущего основное ударение, на один. Таким образом, с точки зрения ритма в любом случае можно говорить о преобладании хорей. Кроме того, можно выделить типы морфем, на которые второстепенное ударение будет падать чаще всего. В кучунском говоре южноаукштайского диалекта такими морфемами будут приставки и корни.

Далее мы хотели использовать эти общие тенденции для выявления неритмических факторов – мы рассматривали примеры, нарушающие одну и более основную тенденцию. В этом случае фактор, мотивирующий такое положение ударения должен был оказаться достаточно сильным, и о нем можно было бы говорить с достаточно большой долей уверенности. К сожалению, дал недостаточно системные результаты.

Однако в ходе этой работы были выявлены факты взаимодействия различных факторов, определяющих позицию второстепенного ударения (как ритмических, так и морфологических). Таким образом, можно сделать вывод, что в рамках кучунского говора южноаукштайского диалекта позиция второстепенного ударения зависит не от какой-то одной причины, а от их

взаимодействия. Основными факторами оказываются необходимость выполнения ударением кульминативной функции (это способствует реализации второстепенного ударения на первом слоге), фактор ритма (стремление к хорею) и сила отдельных морфем.

В завершении работы хотелось бы выразить надежду, что собранные мной данные и предложенные методы их анализа помогут дальнейшему изучению проблематики положения второстепенного ударения в диалектах литовского языка.

Литература

1. Маслов 1987 — Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М., 1987.
2. Daugaviete 2008 — Daugaviete A. Secondary stress in Latvian compared to Lithuanian and Estonian // *Perspectives of Baltic Philology*; ed. By J. Niewulis-Grabliunas, J. Prusinowska, E. Stryczyńska-Hodyl. Poznań: Rys, 2008. P. 41-48
3. Leskauskaitė 2006 — Leskauskaitė A. Kučiūnų krašto šnektos tekstai. Vilnius, 2006.
4. Leskauskaitė 2004 — Leskauskaitė A. Pietų aukštaičių vokalizmo ir prozodijos bruožai. Vilnius, 2004.
5. Girdenis 1978 — Girdenis A. Akcentologinis mažmožis // *Kalbotyros darbai*, II. Vilnius, 2000. — 95–97.
6. Girdenis 2003 — Girdenis A. Teoriniai lietuvių fonologijos pagrindai. Vilnius, 2003.
7. Zinkevičius 1994 — Zinkevičius Z. Lietuvių kalbos dialektologija. Vilnius, 1994.

Приложения

В приложении представлен полный список примеров второстепенного ударения, встретившихся в текстах.

1. ,su_kadɔ'kùcais
2. ,ne_su_klum'pùkɛ.m
3. ,kadɔ'kùcai
4. ,pančæ'kàs
5. ba_aštuo'nì
6. tuos_kuni'gá'ikšćus
7. ,cañ.'tu
8. ɔ_pɔ.'lìci,nìkai
9. 'mó'ki,tó'jei
10. 'm'ó'ki,tɔ'jes
11. aš,túonez'dæ.šims
12. ,sašvi'nĩs
13. 'ceñ.,tu.
14. ,su_kadɔ'kùcai(s)
15. ,paku'lìni
16. ,užmɔ.'ké'c
17. ,pakru'mé'se
18. ɔ_pir'mà
19. **стр.78-79** ,tarna'voú
20. tai_šá.šaz'dæ.šims
21. ta(i)_iki_pùsri.cu.
22. ,gíuu'leĩ.
23. ap,sížu.'ré'jis
24. ,çɛ'bɛ'rùkai
25. ,kama'rõj
26. ,çɛ'bɛ'rùkas
27. ,nepa'jùzi'si
28. ,vaka'riẽneç
29. ne'slũ'ži.,šu
30. tai_nepa'gã'zzi.si
31. ne_nuvei'sì
32. ir_kɔ.ta'vó'ĩ
33. ir_per_tele'vìzɔ.rus
34. ,kaimi'nĩ'stɛj
35. ,je(i)_i'šã.na
36. ,usi'dír'pc
37. **стр. 80-81** ɔ_ĩau_pɔ.'lìcini.k' enɛ
38. ,matu'læ'vičienɛ
39. ir_nepa'jùzis
40. ,tele'vìzɔ.ru.
41. aš,túonez'dæ.šims
42. 'pej̃.kɛz,dæ.šims
43. ba_pa,vasα'rìnɛj
44. 'pej̃.kɛz,dæ.šims
45. 'pej̃.kɛz,dæ.šims
46. tai_aš,túonez'dæ.šims
47. ,pavasa'rẽ'lis
48. tai_suka'pó'j
49. **стр. 82-83** tai_netu'rù
50. tai_pas_patac'kíeni.
51. ,pej̃.kɛz'dæ.šimtais
52. ir_parɛ'jɔú
53. ,piragist'rúoc
54. ,piragist'rúoc
55. ,piragist'rúoc
56. ,parsi'væ'žus

57. nuo₁peṅ.kez'dæ.šimtu
58. tai₁užmɔ.'kėj̃
59. čemu'dá.nu.
60. čema'dá.n.ɔ
61. priragist'ruóc
62. 'šitɔ.kęs
63. pɔ.'licini.kas
64. **стр. 84-85** nepaste'bětʉ
65. nezbi'jók
66. ne.pazda'ríšu
67. kǎ.turaz'dæ.šims
68. kǎ.turaz'dæ.šimtais
69. ir₁neži'nóu
70. kǎ.turaz'dæ.šims
71. kǎ.turaz'dæ.šimtais
72. priragist'ruóc
73. priragist'rá.u
74. ir₁nepas'tvǎf.kus
75. pagu'lěšu
76. apsitvar'kíkít
77. apsitvar'kíšu
78. **стр. 86-87** priku.ri'nì
79. prisku.'rìnǎ
80. vis₁pasi'žúrǎi
81. ir₁parva'žá.ųus
82. ka(p)₁parva'žúoıę
83. šaimi'nĩkę.s
84. peta'dǎṅ.kšte.
85. gela'žìņę.
86. pasi'žúrǎi
87. kat₁nępazda'rí't это хорей?
88. iĩř.gǎla'žìņę.
89. **стр. 88-89** bala'nōm
90. prisi'skáldo.
91. žibin'tùvu.
92. bala'nōm
93. pasta'cíc
94. bala'nà
95. tɔ.i₁bala'nà
96. iǎu₁nepa'miř.šta
97. kap₁iǎu₁tɔ'li
98. **стр. 90-91** apsi'žá.niɔ.
99. apva'líkít
100. kǎ.turaz'dæ.šim
101. septi'nólikɔ.s
102. septi'nólikɔ.s
103. aci'stój̃
104. a₁ap₁sikɔ'liěčino
105. atva'žúosi
106. ir₁iǎu₁patai'sísim
107. aš₁túonez'dæ.šims
108. gi₁ir₁daktǎ'rám
109. ir₁ne-apsimɔ.'kėj̃
110. ap₁simɔ.'kęc
111. pasku'cìni.
112. ir₁nęva'žáu
113. sutvǎ'kírta
114. ir₁patai'síta
115. 'niē.kám
116. ir₁neži'nój̃
117. ir₁tęgu₁mírřta
118. užmɔ.'kęsi
119. pastɔ.'vēj̃
120. **стр. 92-93** ta(i)₁ıu₁ĩškepe.
121. ir₁pada'rídaí
122. šaimi'nĩkę.

123. ,sumuš'tiñɔ.
124. ,nəparva'žúodavɔ
125. kat_parva'žúodaɔ
126. ta(i)_iɔ_u_nəparva'žúoje
127. ,parva'žúoje
128. tai_vaka'riēnɛ
129. ,netai'síta
130. ,sunai'kìɔ.
131. ,paka'vó(i)
132. ,paka'vóta
133. ,kæ.turaz'dæ.šims
134. ,kamba'rĩš
135. iãu_isi'tɛks
136. **стр. 94-95** ,sune'šimas
137. ,pasmu'šimas
138. 'šãr.me_ni.s
139. 'šãr.mɛ_ni.sɛ
140. ,papuoš'çì
141. iãu_su_ab'rũ'sais
142. ir_iɔ_u_para'šítas
143. ,grabada'rũ
144. ,šaša'kañ.çei
145. aš_tuonɛ'ká.ncis
146. gra_bada'rá.m
147. kat_užmɔ.'ké:jimɔ.
148. 'grá.ba_darus
149. ,neži'nãũ.
150. ,paveiks'lùku.
151. **стр. 96-97** ,kukar'dùkɛ.
152. ,nenuz'dé:si
153. ,rudami'nōjì
154. 'zvide,šims
155. ,apsi'žà:nijɔ
156. ,pada'lino.
157. ,neva'žino
158. ,ta(i)_ir_pàse.mɛi
159. ,usi'grĩžɔ.
160. **стр. 98-99** ,apsi'žà:nijɔ.
161. ne_ɔaika'língas
162. ,vaka'rì
163. ,kamba'riñ
164. ir_ne-iš'lĩ:si
165. ,užra'kìɔ.
166. ,kamba'rùkan
167. cà_šite(p)_và
168. **стр. 100-101** ,pata'lùkɔ.
169. ,abžu.'rɛ:j
170. ,pini'gù.
171. ,ɔaika'lá:una
172. ,nɛi_kãuši'nùkɔ.
173. ,gaspa'dōraì
174. ,ar_ti_vi'ráuses
175. ir_pa'lá:i,dó:si подряд!!!!
176. **стр. 102-103** ne_aci'priéšis
177. ,septi.'ñó:likto.
178. ,ùšpa'kalin
179. ,pasku'cìñu
180. ,išvα'žáru
181. pa(s)_špiŕgæ'lùku.
182. 'mál'kɔ.s
183. 'pùsæ,sɛrɛ.
184. **стр. 104-105** ,priev'e'žimɔ.
185. ,nutar'kúota
186. 'pá.sa,kó:jɔ
187. pa,pravar'žúoje
188. ,supra'sì

189. a_citikti'nùmas
190. kur_ne-in_šimai'šít
191. neĭ_nepa'puolę.
192. _parva'žá.u
193. _žulika'vójimu
194. **crp. 106-107** tai_pá.sa,kóĭ
195. _kami'nì
196. cik_paska,vóĭ
197. tai_kara'ľúniene.
198. 'váikš_čóĭ
199. _nepa'jùzi.si
200. _ka.p_ir_'dař.
201. **crp. 108-109** kap_ĭâu_ 'pil.ne,vóĭ
202. _adbu'là
203. 'pař.lę._kõu
204. _nepaga'vai
205. _nepri'klãũ.sõ.
206. _nepri'klãũ.sõ.
207. tep_vi.vę'rúoje
208. 'vásar,võgi.
209. 'vásar,võgi.
210. ne_pada'rísi
211. _paga'ľis
212. _nera'kí.ndauõ.
213. cik_prieme'nęĭ
214. _pada'ríta
215. _pa-u'stúrme'
216. _pada'ríta
217. tu._gæla'žùkⁱ
218. ir_aci'šáuna
219. **crp. 110-111** _õ_pas_'mùs
220. _nesi'skõã.tę.
221. tai_kõ.rta'vóje
222. an_'gõñ,.ku.
223. tai_kap_ĭâu_dai'núoje
224. tai_vaja'rùškõ.s
225. 'pá.sa,kóĭje
226. ir_atva'žúoje
227. **crp. 112-113** ka(d)_daina'võs
228. _õ_põ._lukš'tù
229. õ_vidu'riñ
230. _vita'minõi
231. **crp. 114-115** ĭõu_ir_pamir'šãú
232. _peñ.kęz'dã.šim
233. nu_vaza'uaũ.
234. tai_nežve'jóĭ
235. _atva'žúoje
236. _pagal'vóĭ
237. _netu'rù
238. _kuni'gęli
239. ne_uška'bík
240. **crp. 116-117** iš_męļę'rúoto.s
241. _pada'ríta
242. ar_drabu'žùs
243. _štakie'tùkõi
244. **crp. 118-119** _uždarì'nùku.
245. pa'pá.sa,kõc
246. _õ_tu._'õru.
247. ka(t)_tai_usi'dęñ.ga
248. _ir_ĭâu_'júos
249. _per_tu._'sá.uju.
250. _õ_ĭâu_'dú'lka
251. _vaka'riēne.s
252. tai_vaka'rì
253. **crp. 120-121** 'kìtu,šik
254. _lãuži'kùs

255. ,dɛvi'ñũ
256. 'pá.va,karuş
257. an_mintu'vũ
258. **стр. 122-123** ,sapci'ñó'liktais
259. ə_sapci'ñó'liktais
260. ,vari'né'jɔ.si
261. ,pri-sɔ.'zíta
262. ,vari'né'jɔ.si
263. ,in_sai'nùs
264. iãu_nesi'stú'mdɛ.
265. ,nesi'stú'mdɛ
266. ,paka'vó'jɔ.
267. ,paka'vó'jɔ.
268. 'pá.pe,čæɬ.s
269. ir_susɔ.'zínɔ.
270. ,išviñ'dijɔ.
271. ir_klãusi'né'jɔ.
272. ,spakɔi'nì
273. ap_sivɛr'šá.-us
274. ,kãuşy'ñùs
275. ,laşy'ñù.
276. ,nenɔ.'ré'jɔ.
277. **стр. 124-125** ,kat_pas'kuí
278. ,ɔ_gi'íei
279. iãu_lietu'và
280. ,dirba'mì
281. ,nuva'rítɔ
282. ,lietu'võs
283. ,pasa'kíşu
284. ,sugɔl'vó'jɔ.
285. ,ketu'ró'lik_tus
286. ,aba'zúosa
287. ,aci'laĩ.kɛ.
288. ,nɛpa'pá.sa,kɔşu
289. **стр. 126-127** in_laizzi'jùs
290. ,nenɔ.'ré'j
291. in_laizzi'jùs
292. ,ir_ma'nì
293. ,an_şitũ
294. ,lietu'vũ
295. ,aştuo'nì
296. ,ta(n)_na'maň.
297. 'súcies_tɔ
298. ,per_kru'cìni.
299. už_rudami'nõs
300. iãu_lietu'và
301. nɛ_pasa'kíşu
302. ,pažu'rɛ'c
303. iãu_lietu'veĩ
304. ,susriŋ'kimas
305. ,nui_tɔ.'laĩ.kɔ.
306. ,nɛdar'rítu.
307. n^uo_sapci.'ñó'likto.
308. ,priska'vó'juşu.
309. ir_kap_cik'tais
310. in_laizzi'jùs
311. ,beza'brá.zijɔ.s
312. **стр. 128-129** kai'mĩnuo,sa
313. iãu_şitei'põs
314. ,tai_ir_pas_túos
315. nɛ_pasa'kíşu
316. pri'dá.rɔ.,me
317. ,iãu_kru.'mó'kşčai
318. ,tæ(p)_pra'dé'j
319. ,prie_ru'bæ.žauş
320. ,beza'brá.ziju.

321. ,beza'brá.zijɔ.s
322. iãu_lietu'uõş
323. kap_sava'nõŗai
324. ,su_ka'ruomini
325. ,pá.sa'kócie
326. ,sugal'vójo.
327. **ctp. 130-131** va'zìno'si
328. tai_amži'nai
329. ,vienu'kaŗt
330. ,palai'kísit
331. ,iškasa'uóji
332. 'izgeran,ci
333. ,kap_ti.'náis
334. ,išnai'kìno.
335. o_kiekvie'nañ
336. ,kiekvie'nañ
337. ,kiekví'nañ
338. tai_vi(s)_so'žumñ
339. ,an_ka'lõniju.
340. 'trizde,šiñ.s
341. 'trizde,šiñ.to
342. 'nùmi,rę
343. ,kab_zie'dùkas
344. ,sapci'ñó'liktais
345. ,sapci'ñó'liktais
346. ,sapci'ñó'liktais
347. 'krikšči,ta
348. vis_ka'bìna,si
349. **ctp. 132-133** tai_akmę'naĩ.s
350. ,ijke'rejɔ.
351. ,no'(k)_ko.'kũ
352. no.g_dęvi'ñó'liktu.
353. ,sulej'kéjɔ
354. ,šitei'põs_iãu
355. iãu_lietu'uõş
356. ,prie_şven'tõŗaus
357. nu,şo'ki'nėjɔ
358. jɔu_pastaiçít
359. 'prìtroj,kę
360. ,bara'náuskas
361. ne,pasa'kíšu
362. ne,pasa'kíšu
363. ,lietu'veĩ.
364. kap'čá'mies,ci.
365. kap'čá'mieš,ci.
366. ,geraš'nì
367. ,vo'kę.'cĩs
368. ,gęru'lùs
369. ,vazinù
370. ,ir_ru'gęĩ.
371. **ctp. 134-135** jɔu_viř.ši_nikas
372. 'pá.sa'kójo.
373. ,neşva'rì
374. ,nesi'skírsto
375. ,bet_ir_tĩşesi
376. ,maksi'máviiçus
377. ,pavar'dę
378. ,palei_'krĩžu.
379. ,palei_'krĩžu.
380. 'tvã.kę,si
381. kap_ĩşkirp,ta
382. ,prитай'sítas
383. ,tùščæ_'jõ
384. 'móte,rɔs
385. ,nęmai'šíš^d
386. ,nęmai'šíšu

387. 'pá.sa,kɔʝə
388. ka(p)ᵘpamai'cítá.u
389. ka(p)ᵘpamai'cítau
390. ,nɛdarít
391. ka(p)ᵘpamai'cíšu
392. jãᵘacišibzi'nɛcie
393. a,cisaki'nɛc
394. **ctp. 136-137** ,panai'kìnɔ.
395. ,pro.ᵘkapi'nínu.
396. ,(i)ɔᵘblo.'gái
397. 'pærsiʒag,nóʝɔ
398. ,kɛraú'nĩkas
399. ,apçɛ.ra'vóʝɔ.
400. jãᵘaida'mì
401. ,usi'deñ.dus
402. ,paʒu'rɛʝi
403. irᵘnuskve'tóʝɔ.
404. ,nuskve'tóʝɔ.
405. ,kvɛda'rũ
406. **ctp. 138-139** ,netu'rù
407. ,nenu's'láidus
408. nɛ,pasa'kítai
409. 'pùsæ,sarɛ.s
410. ,katᵘan'árklɔ.
411. ,usɔ'zìnɔ.
412. ,irᵘpārva'žá.ɔc
413. ,blo'gu'mù
414. ,pamir'šɔú
415. ,pamir'šɔú
416. ,næpa'dá.rɛ.
417. ,muzi'kántu
418. ,muzi'kántu
419. ap,çɛra'vóʝɔ.
420. irᵘku'cúnno,sɔ
421. ,vaʒi'nɛʝɔ.m
422. ,ataisície
423. **ctp. 140-141** ,pada'ric
424. ,raga'nóʝimɔ
425. ,katᵘis'ái.na
426. ,zablac'kíenɛ
427. ,zablac'kùcũ.
428. ,kapᵘjãᵘti.'náis
429. nɛ,pasa'kíšu
430. ,nenɔ.'rɛʝɔ.
431. ta(i)ᵘiki'kíekɔ.
432. ,išnai'kìnɔ.
433. ,išnai'kìnɔ.
434. ,išnai'kìnɔ.
435. 'pá.sɔ,kóʝɔ.
436. 'pá.sɔ,kóʝɔ.
437. ,iš-nai'kíci
438. ,priska'bìnɔ.
439. ,priska'bìnɔ
440. ,priska'bìnɔ.
441. α,cika'bící
442. α,cika'bí(c)
443. **ctp. 142-143** ,apsi'gírñcie
444. tɛ(p)ᵘ'pá.sɔ,kɔ.ɔ
445. ,tɛgu'júos
446. ,pada'ríta
447. pri'ráišɔ,cie
448. ,palɛvónɔ.
449. 'šitɔ,ki
450. ,kvarɔ'bà
451. ,kapi'nínɔ.
452. ,neda'siěkt

453. ˌnɛda'siɛktu.
454. ˌburda'mà
455. ˌnækɔ.'kè
456. ˌpriɛš_kalɛdàs
457. ˌkap_ɹ̩̃u_væ.ʒɛ.
458. ˌkat_ɹ̩̃u_bìski.
459. **ctp. 144-145** priɛ_bãuʒæ'võs
460. ˌpakɪŋ'kíci
461. ˌnetɔ:'kì
462. uʒ_l̩̃ietu'võs
463. ˌnešne'kékit
464. ˌnara'vístas
465. na'rà.vi_nasi
466. ˌnara'vístas
467. 'kàʒɪŋ_kɔ.ki.
468. ɹ̩̃ʒ_l̩̃ie'tùviškɔ.
469. ˌsumai'šícɪ
470. ˌdɔɪni.'čù
471. ˌmika'lóʒãus
472. ˌburɛɟ_làs
473. ˌiʃmɛš'cì
474. ˌnusi'kaĩ.tɛ.ļei
475. ˌnusi'kaĩ.tɛ.ļus
476. ˌkata'likai
477. ˌpasɑ'kí(t)
478. ˌiʃvɛš'čì_per
479. ˌkulɛ'gánku.
480. ˌpɔtɛ'ráuna
481. **ctp. 146-147** tɔ.(s)_
ˌspavied'nĩč_ɔ.s
482. vis_pamirš'tù
483. ˌmaista'raĩ.
484. ˌrataɛ'ļùʒ
485. kap_'nó,ri
486. ˌsuriš'čì
487. i_šimɔ.ki'nãũ.
488. **ctp. 148-149** ˌapab'ľúota
489. 'sú'kɔ.ˌsi PITM
490. nu'pà.sɑ_kɔ.cie
491. an_'væla_nùkɔ.
492. an_kɛtu'rũ
493. tai_an_kɛtu'rũ
494. ˌbɛt_kap_ĩšveʒɛ.
495. 'bala_nùku.
496. vis_atski'raĩ.
497. ˌiʃmɔ.'kíta
498. **ctp. 150-151** ˌtæp_ɹ̩̃r_ájo
499. ˌprisi'šíldɔm
500. 'sɛ'mɛ_nɛs
501. tai_'plɔnɛs_nì
502. ˌʃapɛ'čɛĩ
503. ɹ̩̃r_an_ˌʃapɛ'čú
504. ˌnuzgra'bóʒɛ
505. ˌsuda'rítas
506. la_ʃavi'čúosa
507. ˌkɛtu'rì
508. an_'ríʒie_nɔ.s
509. **ctp. 152-153** cik_'víena_kar(t)
510. pa_vari'néʒɔ.
511. ɹ̩̃u_gæla'žìneɹ̩̃ʒ
512. 'nùmɛʒ_tɑ
513. ap_ʃira'mísi
514. kiek_'nó,ri
515. ˌusuk'sù
516. ˌpasa'kísu
517. ˌnega'zísɪ
518. ˌbe(t)_cæ_'šnæ.ka

519. ,važi'néje
520. ,taigi_pirmà
521. ,neġu'léjɔ.m
522. ,jâu_ɔ_kur_mažaš'nì
523. ,tai_padai'gai
524. ,plúksna'kõčai
525. ,pasi'dá.rɔ.
526. ,cik_tɔ.'kì
527. ,jâu_stɔ'ras'nì
528. ,jâu_ju.'plúksnɔ.s
529. **ctp. 154-155** vir,šuci'nèš
530. ,susmai'sai
531. ,gívu'ĩũ
532. ,apsi'sùki.
533. ,šitei'põš
534. ,nepa'liēka
535. ,tai_kap_su'veĩ.na
536. ,pamα'cítu.t
537. 'pær,skí.rc
538. ap,sivai'sítu
539. ,išva'lítas
540. ,gαspa'dõru.
541. ,cik_ir_'váikščɔ.ĩ
542. pas_'káile,darus
543. ap,sivilk'tái
544. kαile,daraĩ.
545. ,viršu'cìni.
546. **ctp. 156-157** kai,leşdaraĩ.
547. me.z,draga'leĩ.s
548. ,kαileđa'rĩs
549. ,kαileđa'rĩs
550. kai,leşda'rĩs
551. ,neva'zĩnɔ
552. ɔ_mę.zdraga'leĩ.
553. ,šitei'põš
554. ,pardavi'néjɔ.
555. ,pardavi'néjɔ.
556. ,kap_cik'tai
557. ,nepras,tà
558. ,isimɔ.'kìnɔ
559. ,netei'põš
560. ne_cingi'nĩs
561. ,sañde'liñ
562. ,supra'sřci
563. ,an_mę's'líñ
564. ,an_mę's'líñɔ.
565. ,uš_kɔ.'kú.
566. pa'pá.sα,kóč
567. ,pame'lúot
568. **ctp. 158-159** pa'pá.sα,kóčie
569. ,næmɔ.'ké'si
570. ,paka'bísim
571. 'pá.sα,kóje
572. baž'ní,čɔ's
573. ,gęraš'nì
574. ,pakiŋ'kíci
575. ,parę.'z'íci
576. ,nenɔ.'r'éjɔ.
577. ,neži'nou
578. ,nuta'rĩmas
579. ,neži'nãũ.
580. ,ar_jiei_'neĩ.na
581. ,nega'ľu
582. ,tai_ne_nuvei'nù
583. ,ar_jiei_'neĩ.na
584. 'išpa,žinties

585. ,parɛ.'dɔ́u
586. ,mɔ'ki'k'là
587. ,mɔ'ki'k'là
588. ,nenɔ.'ɛ̃i
589. ,nenɔ.'ɛ̃i
590. ,nenɔ.'ɛ̃i
591. ,kɛ'ra'u nĩ'kas
592. nu ,kɛ'ra'vɔ'jɔ.
593. nu ,kɛ'ra'vɔ'jɔ.
594. **ctp. 160-161** ir_ ,užmi'gãũ.
595. iãũ_ ,užmi'gãũ
596. ,suša'kɔ'jɔ.
597. ,užde'rɛ'jɔ.
598. ,nɛnɔ.'rɛ'dama
599. ,nɛnɔ.'rɛ'dama
600. ,nepa'dɛ'(s)
601. ,neɣɛ'raĩ.
602. ,nɛpri'prá'tuʂ
603. 'niẽ'ká.m
604. ,neda'rítu.t
605. ,aci'lí'ginɔ.
606. ,pragi.'væ.nɔ.me
607. **ctp. 162-163** ,žalæduo'nũ
608. ,pavar'dɛ̃
609. ža ,læduo'nɛĩ
610. ,žalæ'dúonis
611. ,žalæ'dúoňũ
612. ,acišãũ.kitæ
613. ,acišãũ.kitæ
614. a ,lɛ_ tai_ 'daĩ.
615. ,kap_ ca' ná'iʂ
616. ,nɛtɔ.'kà
617. ,nenɔ.'rɛ'jɔ
618. ,nenɔ.'rɛ'jɔ
619. ,išvažú'ju
620. ,nežbi'jɔũ
621. ,nežbi'jãũ
622. ,pɔrvaža'ũãũ
623. ,nɛpra'šítá
624. ,išva'žúošu
625. tai_ ,nepa'cìkɔ.
626. ,nepa'cìkɔ_ ,juo
627. ,nepra'šítá
628. ,pɔrvaža'vãũ.
629. ir_ ,neva'rítá
630. ,išva'žúošu
631. ir_ ,išva'žúošu
632. ,nɛsa'kɔũ
633. ka'bìnɔ' ,si
634. ir_ iš_ ,važa'vãũ
635. ,ɔ'buo'ĩũ
636. 'pùsmãĩ ,ši.
637. tai_ ,ɔ'buo'ĩũ
638. ,pɔrvaža'vãũ.
639. nu ,važa'ũãũ.
640. **ctp. 164-165** ,nesi'stúrmdɛ̃
641. ,priɛ_ tu_ 'rùsu.
642. ,lietu'vɔ'n
643. ma.(n)_ ,nepa'cìkɔ
644. nu ,važa'ũãũ.
645. ir_ ,pɔrvaža'ũɔũ
646. ,pɔrvaža'ũãũ
647. pɔr_ ,važa'ũɔũ
648. ,neži'nãũ
649. ,nenãũ'dɔ'jɔ
650. ,bet_ scik'linɛi

651. ,kete'rū
652. ,raika'lùkam
653. ,sama'gòno.
654. nuo_limi'ná.da.
655. **crp. 166-167** ɔ_usi'likušu.
656. ,peŋ.kez'dæ.šim
657. bet_kæ.turaz'dé.šim
658. ,dagi.'væ.no.
659. ,šuvi'néc
660. ,ketur'kañ.pi.
661. ,çę.be'rīs
662. ,kɔ.pu.s'tùs
663. ,padaríc
664. ,sande'lùkan
665. **crp. 168-169** ,dęktu'kùs
666. ,paka'bìna
667. ,sande'lùkai
668. ,sandęlu'kùs
669. ,rieba'lai
670. ,kamba'rīs
671. ,kama'rù
672. ,sañde'lùkas
673. ,cik_a'bì
674. pa_sisu.'réjus
675. ,sande'lùkan
676. su_sañde'lúodaɔ
677. ,bet_an_ká'lnɔ
678. kat_pærzie,mɔ.tu
679. ɔ_na'múosæ
680. ,parsi'nèšč
681. ,pašari'nès
682. ,raika'lám
683. ,paka'bídaɔ.
684. ,aruo'dùkai
685. ,pagaĹ'dęřlu.
686. ɔ_ĵau_miēžai
687. **crp. 170-171** ,maiš'łùs
688. ir_pa-i'vaĩ.rɪ.daɔ.
689. ,neži'náu
690. ,sumai'šídaɔ.
691. ,miši'nùkas
692. ,paši.'kai
693. ,prɪzɔ.'vídauɔ
694. ,baravĩku.
695. ,baravĩku
696. ,ketu'rì
697. ,mekšru'kùs
698. ,prɪzɔ.'vìna
699. ,paka'bìna
700. ,kìtu.'zièn
701. tai_pa_grindi'nàe(s)
702. ,prie_sa'nóviško
703. pa'mìna_vɔję
704. ɔ_kat_ĵu_dar'žóvę.
705. ,pagrɪn'dìņę.
706. ar_šabal'bõnai
707. ar_pami'dõrai
708. aš_túonez'dæ.šim
709. sæp_tínež'dæ.šim
710. ,neži'náu
711. ,nenáu'dóda-ɔ.
712. ,pami.'lętai
713. ap_silav_kítai
714. **crp. 172-173** ,i.lgę.'lìmo.
715. ,nera-a'gúoja
716. ,prigi'mìmas

717. ir_beda'vóje
718. ir_pagaĽ'tóki.
719. ,prida'rík
720. ,prista'cítai
721. ,insta'cíc
722. ,vidu'riñ
723. ,insta'cíc
724. ar_pagalu'kù
725. ,cinkameš'nì
726. ,tušteš'nùs
727. ,sande'lùkα(n)
728. ,iščen'triņe.
729. **crp. 174-175** ,bicini.'ká.u
730. bi_tini.'ká.unα
731. ,kap_ne'žino.
732. ,mo.ti.'nēļe.
733. ,kâuši'nùs
734. ,mo.ti.'nēļe.
735. ,mo.ti.'nēļe.
736. ,litera'tũrα.s
737. ,apvai'sítu
738. ,prigi'mimαs
739. ,mo.ti.'nēli.
740. **crp. 176-177** ,specæ'li
741. iei_neži'nósi
742. ne-atlai'kírsi
743. ,nepri'triñ.tai
744. ,pava'raĩ.
745. ,ne-ap'sámtα
746. ,vaĩ.ša'vìņei
747. ,apsi'bũnα
748. ,re.mē'lùs
749. ir_ne-i'sùksi
750. ,isi'pjóve
751. ,bet_su_ko.'raĩ.(s)
752. nãu,jóvĩškeš'nì
753. ,vaĩ.ša'vìñuosα
754. ,išru'súoje
755. **crp. 178-179** li,tæra'tũru_tai
756. ,tai_iš'tò
757. ,víenu'sík
758. ,pasi'tvífina
759. ,kita'sík
760. ne,paši'tvífina
761. ,pripa'žísta
762. ne,pripa'žísta
763. ,nežu.'réjãu
764. ,nesmar'kùs
765. ,víenu.'zien
766. ,jeva'pjúte.
767. **crp. 180-181** ,dãugu'mõĩ
768. ,šaurαs'nì
769. u,si-imzi'néi
770. in_lazzi'jùs
771. ,gaspa'dõrus
772. ,pagriñ'dì
773. ,deĽ_šili'mõs
774. ,ne-iždα'rídaũo
775. ,truĩpeš'nì
776. **crp. 182-183** ,beko'nùs
777. ,prižu.'réto.jes
778. ,nuva'zá.u
779. a_ba_ieškó(k)
780. ,beko'nùs
781. ,tai_cik_vienà
782. 'pærnaκ_vo.iei

783. ,nelai'kí'daυo
784. u,si-áu'gìna
785. ɔ,⊃parda'vìmu
786. ,sanēs'nès
787. ,gaspα'dōrus
788. tu,⊃vieške'lùk'^u
789. **crp. 184-185** ,vieške'lej'ⁱ
790. pa,gαĹšai'mōs
791. ,pagαĹ'žá.mę.s
792. ,nuvažē'vai
793. ,girini.ki'jè
794. ,pas_tu,⊃'úkini.ku.
795. ,nuva'žúoje
796. ar,⊃ketu'rì
797. jãu,⊃prigα'mítu.
798. nu,važæ'vai
799. ,mexa'nìzmu.
800. ,nęma'tóu
801. ,bet_iš,⊃dã.šims
802. ,usi'zì.rbda-ɔ
803. ir_jei,⊃ne-u'si-ę.mę.
804. ,neži'noú
805. ,gimi'náitis
806. ,krãutu'vùkęs
807. ,krãutu'ùkę
808. ,krãutu'ùkę
809. ,drabu'žùkai
810. **crp. 186-187** tai,⊃negiřdėjãu
811. tu,⊃ęentra'fũgu.
812. ,ęentra'fũgu
813. ,pienini'kùkę.
814. ,klampu'mínai
815. ,nepri-'ęzdavo
816. ,pini'gũ
817. ,pletka'vó'davo
818. ,dãugu'mà,⊃vis
819. ,pasta'tũ
820. ,kibirksš'tùkę.
821. ne-,⊃atsar'gùmαs
822. tai,⊃atsar'gùmɔ.
823. ,prisi'sęję
824. **crp. 188-189** ɔ,⊃pa.griņ'diniš
825. ,pagriņ'diniš
826. ,apsi'grņę.
827. ,isimai'tino
828. ,nemɔ.kino
829. ,visi,⊃trĩš
830. ,biednęš'nì
831. jãu_tu,⊃'biędnas
832. ,cikru'mōn
833. ,samzi'nĩs,⊃pas
834. ,pas_ba'gótu.
835. ,kã.turaz'dã.šim
836. ,kã.turaz'dã.šim
837. ,pasa'kìs
838. 'peņ.kęž,dã.šim
839. tai,⊃pieme'nùkas
840. **crp. 190-191** 'nó,rì
841. iki,⊃vi'duř.nak,ɔ.
842. a,⊃cidu'saĩ.
843. su,⊃pažai'dimais
844. ,nępa'ciņ.kα
845. ,pasi'liņ.kšminimai
846. ,iki,⊃pùsęi
847. jãu_vɔ.kę'čũ
848. ,ižęerzi'nęc

849. j̄au_n̄esus'vaĩ.dɔ.
850. ,kamba'riñ.
851. ,kamba'ri.ñ
852. ,n̄epa'ciñ.kα
853. ,vakar̄e.'lù(s)
854. ,mɔ.ki'k'là
855. ,mɔ.ki.k'là
856. **ctp. 192-193** ,n̄edɔ.va'nó'jɔ
857. ,ir_j̄au'nó'ji
858. ,abdɔ.va'nó'daυɔ
859. ,dɔ.va'nà
860. ,ir_j̄au_ 'rañ.kšluocis
861. ,abdɔ.va'nó'davɔ
862. ,rutu'lùkαs
863. ,rulɔ'nùku.
864. ,iki_p̄e.'dõ's
865. p̄e(r)_rugæ'pjúti.
866. ,viršu'cìniš
867. ,kɔ'stu'm̄ẽ'lis
868. j̄æ.i_rugæ'pjúte
869. ,p̄e(r)_rugæ'pjúti.
870. ɔ_ kap_li'nùs
871. ,isivoiz'dúok
872. 'geñ.da_vɔ.si
873. ,isi'bárikâuα
874. ,isižai'dimɔ
875. **ctp. 194-195** 'vaĩ.te_l̄ɔ'da_vɔ.si
876. ,kamba'rùkαn
877. ir_šneku'cúojiesi
878. ,nemɔ.ž'na
879. li_tera'tūrɔ.s
880. ,kat_n̄e'mɔ.ž'na
881. ,j̄æ.i_trum'pám
882. ,kat_kɔ.'kú
883. ,užga'vìmu.
884. 'jùška.gɔ.jis
885. aš_túonež'dæ.šimtais
886. ,išmelɔ.'rá.u
887. aš_túonež'dæ.šimtais
888. ,ižgi.'vė'nc
889. **ctp. 196-197** ,kaip_tɔr'tùkαs
890. ,pazgul'z'isi
891. ,sure.'žó'je
892. ,sur̄e.'žó'davɔ.
893. ,pɔ.vaka'r̄ẽ'n
894. ir_pada'rídavɔ
895. ,mexa'nizúotai
896. ,tr̄auki'niñ
897. tai_tr̄auki'niš
898. 'p̄eñ.kež'dæ.šim
899. ə_ap_siraŋ'gimɔ.
900. **ctp.198-199** ap_simɔ.'két
901. iŋ_kalva'rìju.
902. ,p̄eñ.kež'dæ.šim
903. ,apsi'zírɔɔ
904. gi_rini.'kìjɔ.s
905. ,n̄e-iš'pá.sa,kó'si
906. ,paž̄u.'r̄e'c
907. ,n̄epα'dá.ɔɔ.
908. ,t̄erpu_p̄ie'lũ
909. 'pá.sα,kɔ.ju
910. **ctp. 200-201** pa_gal_tu_'liniju.
911. ,bet_ka(p)_ 'bù-ɔ
912. ,priet̄aisu'kùs
913. ,n̄enu'krìtɔ
914. ,k̄æ.turaz'dæ.šims

915. tai_kæ.turaž,dæ.šim
916. aš_túonež'dæ.šims
917. i_sivaiž'dúok
918. ,neša'kótas
919. ,pazda'rídavo.
920. ,ir_pei'lù
921. **ctp. 202-203** šai_mini.'káusi
922. ,kamba'rùkai
923. ,nema'cít
924. ir_už,gesi'naĩ
925. ,sukep'sì
926. ,pažu.'rėsi
927. ne_nušne'sì
928. ,prisi'spáudei
929. ,pasižu.'rėjei
930. ,kama'rà
931. ,nešne'sósì
932. ir_šai_mini.'káunⁱ
933. už,gesi'naĩ.
934. ,ketu'rì
935. ,jáu_tu'rì
936. **ctp. 204-205** ,kætu'rólì,ka
937. ,aštuo'nólìka
938. ,kara'sèļ.
939. ,kara'sèļ
940. ,nemo.'kéjɔ.
941. ,pakláu'saĩ
942. aš_túonež'dæ.šim
943. ,netu'rėjɔ.
944. ,cik_αn_ 'stá.lɔ.
945. a_para'tùkas
946. ,iki_pa'cá.vičous
947. ,vasa'rójus
948. ,gani'k'là
949. ne_pasi'sė'si
950. ,iki_sa'vóñɔ.
951. ,iki_'mìško
952. ir_u_sida'raĩ.
953. ,supran'cì
954. ,gani.k'là
955. ,vasa'rójus
956. ,nėpa'tógu
957. **ctp. 206-207** nuo_pɔtæ'líno
958. tu(s)_ža'mėtvār,kini, kas
959. 'lini,je
960. ,daržu'kùs
961. ,daržɔ'vès
962. uɔ_ĵiáu_gas,pado.'ráu
963. ,nėpa'tógu
964. ,klåusɔ.'míbė.
965. ,neda'rídavo
966. **ctp. 208-209** ne'pærsta,cisi
967. ne_prie_mėistriš'kùm
968. ,ir_gi.ve'nì
969. 'pado, .rá.u
970. a_matini.'kaĩ
971. ,ama'tùkɔ.
972. gas,pado.'ráuna
973. ,darbini'kùs
974. in_lazzi'jùs
975. dar_bini.'kùs
976. in_lazzi'jùs
977. ,su_veži'mù
978. ,išva'žá.u
979. ,pastɔ.'vėĩ
980. ins_pektɔ.'raĩ

981. ,gaspa'dõrus
982. ,apsi'-eĩ.da-ɔ
983. ,negra'žù
984. ,negra'žù
985. **crp. 210-211** ap,simɔ.'két
986. ,svarstik'lès
987. ,pasα'kísi
988. de'vínez,dæ.šimc
989. ,ki.tras'nì
990. in'pá.sa,kísi
991. in'pá.sa,kɔ.daɔɔ.
992. ne,paduo'tái
993. ne,pristɔ.'tái
994. ,pasα'kíšu
995. ar_nusi'žúro.
996. ar_išvi'ĺóje
997. tai_pa'pá.sa,kóšu
998. kat_nepri'stóc
999. ,næ-ap'sikɛncæ
1000. 'dúo,nɔ.s
1001. ,næ-ap'sikɛnc
1002. ,pasα'kíšu
1003. ,usi-'iĩm.davɔ
1004. ,mæla'gíngu
1005. ,mæla'gíng^u
1006. bet_ne-a'cìmenu
1007. ,nepri'stódavɔm
1008. kad_nepri'stók
1009. ,žuli'kaí
1010. 'pærnak,ɔɔ.davɔ.
1011. ,neki.t'ràšni
1012. ,kruži'kê'li.
1013. **crp. 212-213** ,išmɔ.'kìni. kat
1014. ,nepri'sóc
1015. ,ne_i_kazi'rá.ɔɔ.
1016. ,nepri'stódavɔ.m
1017. ,nuzde're'c
1018. ,pãfsi'dúoç
1019. **crp. 214-215** sa'nóviš,kai
1020. sa'nóviš,kai
1021. 'ùškam,pis
1022. ,pasa'kíc
1023. ,padɛ.'sĩs
1024. ,dúobkubi'lĩš
1025. ,pristar'kúoji.
1026. ,kap_tu'ri
1027. 'dúonku,bilis
1028. 'dúonku,bilis
1029. ,u-žuo'liũu.
1030. iãu_'dúonku,bilis
1031. ,rugɛ'pjúte.
1032. **crp. 216-217** tai_kap_sa'kaú
1033. ,pritai'síta
1034. iãu_rugɛ'pjúte.s
1035. kap_rugɛ'pjúte.
1036. tai_ne-a'cìmenu
1037. ,rugæ'pjúte.
1038. da.(r)_rùgɛ'pjúte.s
1039. ,bet_iãu_'mànɔ.
1040. **crp. 218-219** ,peŋ.kɛž'dæ.šims
1041. ,ɔ_iãu_'dař.
1042. ,suka'póc
1043. an_'kuĩ,.bɛ.s
1044. ,neraika'língi
1045. ,kultu'vẽm
1046. tuos_'kùfe,rus

1047. ,ɔ'j̥au'dař
1048. su_sta'ľũge,mi
1049. apie'_šitɔ,ku.
1050. ,saŋzini'kùs
1051. ,nenɔ.'rɛ'tut
1052. ,ka(p)_pir'mà
1053. **ctp. 220-221** ,pažde'jìmas
1054. 'stà'la,palɛ.
1055. 'stà'la,palɛ.
1056. va'zìno,mi
1057. ,pamir'sšáu
1058. ,ka(p)_prieš_kalɛ.'dó'jimu
1059. ,kat_j̥au_ne'bũt
1060. per'_vìdu,ri.
1061. ,priɛmi'nɛ̃
1062. ,kamba'rĩs
1063. ,ar_tì'_šař.meni.s
1064. ,ar_tì._ve'sáile
1065. ,padɛ'sĩs
1066. ,kama'rà
1067. ti'_su_kɔ.'pũstais
1068. ,kama'rà
1069. ,ar_tì._'bú'ľve.s
1070. ,ar_tì._'kó.kes
1071. ,çɛ.'be'rĩs
1072. ,lɔ'vĩs
1073. **ctp. 222-223** ,padɛ'sĩs
1074. ,kama'rà
1075. j̥au_kamba'rĩs
1076. ,kamba'rĩs
1077. j̥au_su_grinzi'mì
1078. ,j̥isi'šľúoji
1079. ,bagɔ.'t̥ĩruš_gi
1080. ,ɔ'j̥au'cè
1081. ,susmaĩ'šíc
1082. ne_pasa'kĩ'su
1083. ,ne-išvir'tú.m
1084. ,kæ.turaz'dæ.šim
1085. **ctp. 224-225** ,kufe'raĩ
1086. aŋ_kætu'rũ
1087. ,mezi'nùs
1088. a_ne_iš_kark'lũ
1089. ,rĩbɔ'lám
1090. ,piř.kɔ.'si
1091. **ctp. 226-227** 'súra,maĩ.šĩ
1092. 'súra,maĩ.šin
1093. ,ir_už'rìšɔ.
1094. ,skríbe'leĩ.s
1095. pa'pá.sɔ,kɔtu.
1096. j̥au_kur_apa'cìne.s
1097. ap_sisa'gìmas
1098. **ctp. 228-229** iš_paga'lùku.
1099. ,mežæ'gõn
1100. ,peçukónis
1101. **ctp. 230-231** ,nusi'šľúostɔ
1102. **ctp. 232-233** ,kiekvie'nám
1103. tai_mɛ.li.na-'ákɛ.s
1104. tai_mɛ.li.n'ákɛ.s
1105. **ctp. 234-235** ,nenu'šĩšika
1106. ,pasɔ'zìno.
1107. ràu'dó'nli,gi
1108. ,kæ.turaz'dæ.šims
1109. tɔ(i)_i(k)_kæ.turaz'dæ.šims
1110. j̥au_i'sìveř,çæ
1111. ,aba'_drùskɔ.s
1112. **ctp. 236-237** ,pinci'li.nas

1113. ,gæla'žîñus
1114. ,apsi'nuõžina
1115. ,palai'k'íc
1116. ,pakraũ'júot
1117. ,apsi'nuõžina
1118. ,tempera'tũra
1119. **стр. 238-239** 'niẽ,ká.m
1120. ,nepada'rãũ.
1121. ,peñ.kež'dæ.šim
1122. ,peñ.kež'dæ.šim
1123. iki_ššaz'dæ.šims
1124. ,ne-a'cìmenu
1125. ,palai'dóç
1126. ,uškračæ'mà
1127. uš,kračæ'mà
1128. ,pasikasa'v'ójɔ.
1129. **стр. 240-241** ,nela'baĩ.
1130. ne,supran'tù
1131. ,apsi'nuõžina
1132. ,prisãu'gìna
1133. **стр. 242-243** i,šiprakti'ká.vis
1134. ,isiprakti'kúoji
1135. ra,zumneš'ñũ
1136. ,ir'is'g'írgžda
1137. 'pá.sa,kɔj
1138. **стр. 244-245** нет примеров
1139. **стр. 246-247** tai_prisi'skínk
1140. ,prisi'skínɛ.
1141. i'sìka,šɛ.
1142. ,veise'júosa
1143. ,razgumi'nùs
1144. ap,siga'vãũ
1145. ,priso.'žino.
1146. ,priso.'žino.
1147. **стр. 248-249** i,sipaš'kùžino.
1148. 'krúmuo,sa
1149. ,priso.'žino.
1150. ,priso.'žino.
1151. ,neso.'žino.
1152. at,važi'néj
1153. ,avi'lùkai
1154. ,supran'cì
1155. i'sìspie,te.
1156. i'sìspie,te.
1157. li'góni,ne.n
1158. **стр. 250-251** i'_sùka,si
1159. ,kap_iaũ'paĩ.vežɛ.
1160. už,degi'mù_ar
1161. kap_sanó've.š_dar
1162. 'pá.sa,kɔj
1163. ,aštuo'nó'likɔ.s
1164. 'kæ.traz,dæ.šims
1165. 'kæ.turaz,dæ.šims
1166. 'kæ.turaz,dæ.šims
1167. ,uždegi'mù
1168. ,kap_sa'nó'v'ɛ.n
1169. **стр. 252-253** ,paskun'cìnis
1170. ,iki_paskun'cìño.
1171. ,sarve'tùtu.
1172. **стр. 254-255** tai_manga'rino.
1173. kap_ne_šai'mína
1174. ,suzda'rãũ
1175. ,vienu'ròs
1176. beť_kat_iaũ'daĩ.
1177. at,važa'ũũ.
1178. ,važi'néje

1179. ,pərne'šù
1180. **ctp. 256-257** ,nepirk'sì
1181. ,važi'néju
1182. 'vaĩ.diš,ka
1183. at,važi'néje
1184. ,mɔ.te'rìške
1185. ,kɔ.pu.s'tùs
1186. ,sənde'lùkən
1187. **ctp. 258-259** ,aba' búlavɔ.
1188. 'lá. ,pu.
1189. ,tai_kap_àtnešu
1190. ,neva'ká.ɔ
1191. ,sɔ.ʒi'nù
1192. 'drùskini,kuosa
1193. ša,bəlbɔ'nùs
1194. ,neɲu'šá.lɔ.
1195. ,šabəlbɔ'nai
1196. ša,bəlbɔ'nùs
1197. **ctp. 260-261** ,šabəlbɔ'nai
1198. ne,nuska'báu
1199. tai_prame'čum
1200. 'krá. ,pu.
1201. ,ɔ. ,jäu_šĩmet
1202. ,suba'tõn
1203. ,pazda'rai_ti.
1204. ,nei_ne'jùzi.šu
1205. cik_vienusĩk
1206. **ctp. 262-263** ,netu'rėjâu
1207. ,ne-atvaži'néjɔ.
1208. ,nuspirk'sù
1209. de,vínez'də.šim
1210. cik_tu_pa.çu.'zièn
1211. ap,vari'nésit
1212. ,pažu.'rėjɔu
1213. ,nepažu.'rėjâu
1214. ,nema'fáu
1215. **ctp. 264-265** ,atva'žúoje
1216. **ctp. 266-267** ,ci(k)_kur_kànɔ
1217. ,nədas'láidɔ.
1218. tai_kap_ka'dù
1219. ,nesu'də'gi.
1220. ,nuspir'káu.
1221. ,atva'žá.uus
1222. **ctp. 268-269** ir_neda'láidáu
1223. ɔ_'ká(m)_man_ju' (raĩ.ke)
1224. ir_anu.'kùte.
1225. **ctp. 270-271** ir_neda'râu.
1226. ,nepada'rìs
1227. ,cik_strɔ.šrk'là
1228. ne,kàžin'kóke
1229. ,pini'gìne.
1230. ,ižgeřzi'néjem
1231. ,rukáu'nà
1232. tai_valgi.k'là
1233. ,kecvir'tais
1234. sap,cínez'də.šims
1235. ,nesvei'kà
1236. **ctp. 272-273** ,iska'láunu
1237. ,apska'láunu
1238. ,insi'jú.ɲgâu
1239. ,traktɔ'rìstas
1240. ,apska'láunu
1241. ,apska'láunu
1242. sap,cínez'dé.šims
1243. vir(š)_sap,cínez'dé.šims
1244. **ctp. 274-275** ,kìtu'rõz

1245. ,nene'šóje
1246. **ctp. 276-277** ,neĭ_aš'_muĩ.ló.
1247. tai_prispir'kaũ
1248. ,prispir'kaũ.
1249. nu_kɔmbi'núoji
1250. ,prizɔ.'víta
1251. ,priske.'límα
1252. ,uba'gũ
1253. ,pažu.'ré'c
1254. ,važi'né'jɔ.m
1255. **ctp. 278-279** ,pada'ríta_ir
1256. **ctp. 280-281** ,kap_ĩau_
'pàĭe.mę
1257. ,dusu'língα
1258. **ctp. 282-283** ,ne-áu'gínɔ.
1259. ,apsipar'šúoje
1260. ,dašauk'sì
1261. ,usi-áu'gìna
1262. ,usi-áu'gìna
1263. ,apsitvé'ris
1264. ,apsitvé'ris
1265. ,barav'ĩkai
1266. ,barav'ĩkai
1267. **ctp. 284-285** ,aba'_nàe
1268. ,išmir'kície
1269. 'pærsida_rı.šũ
1270. ,pridarı'né'jɔ.m
1271. ,prigri.'báucie
1272. ,tɔ.ki.'mãĩ.šũ.
1273. **ctp. 286-287** tu_ ,barav'ĩku
1274. ɔ_ ,vienu'rɔ's
1275. cik_přimarı'ná.ɥɔm
1276. 'trılıtrı_ñuosa
1277. ,nesu'piř.kɔ
1278. in_ ,laižgi'jùs
1279. ir_ ,pardavi'níeɔ
1280. ,dař.bui'cie
1281. ,àpskri'tuș
1282. ,pirmu'cìni.
1283. **ctp. 288-289** ba_kanu'kùs
1284. ba_kanu'kùs
1285. ,alie'rũ
1286. ba_kanu'kùs
1287. ,pagrɔm'dùku.
1288. ,baka'nù'ku.
1289. ,iškep'ta
1290. ,peta'daň.kštę.ș
1291. ba_kanu'kùs
1292. ,prižžɔ.vi'nì
1293. ba_kanu'kùs
1294. ba_kanu'kùs
1295. ,kap_ĩau_'beĩ.gęs
1296. ,ru'ki'nĩĉɔ.s
1297. ,neru.ki'nù
1298. ,ru'ki'nĩĉũ.
1299. **ctp. 290-291** ,pažu.'ré'cie
1300. pa'pàsɔ_kɔ.c
1301. ,parvaža-'ɔũ.
1302. ,nuzgɔn'dáu
1303. ,negir'dé'jau
1304. **ctp. 292-293** ,kap_ĩškai'táu
1305. ,tempera'tũrɔ.s
1306. **ctp. 294-295** ir_ ,nenuva'žúoju
1307. ,ramu'ně'lej
1308. ,ir_pa-'ú'ņksnę.
1309. ,prıɔ.'zíta
1310. u'sìves_tai_r

1311. ,ņenuva'žúoju
1312. 'vé'sar, namis
1313. 'ižgri.s,ta
1314. **ctp. 296-297** 'leñ.tpju, vę.
1315. kap_kata'likos
1316. ,an_kepæ'nū
1317. ,kale' dā
1318. ,paskun'cīñukart
1319. na.t_kaziñ'kuř.
1320. **ctp. 298-299** kur_ia_u'ne'ciki.
1321. tai_alekt'rā
1322. ,leñ.tpju, vę.
1323. ,raika'lāvo.
1324. ,kamba'raī.
1325. ,štabe'lúoji
1326. ,peņj.kez'dā.šims
1327. **ctp. 300-301** kap_atva'žúoje
1328. ,kancer'vúoz
1329. 'rūda.gę.lę.s
1330. **ctp. 302-303** ,pas_mus_tùs
1331. ,pasa'kíšu
1332. iš_kaziñ'kuř_cę
1333. **ctp. 304-305** pa'pā'sα,kó'su
1334. sep'tínez,dā.šims_gi
1335. sep'tínez,dā.šims
1336. ,korespon'deñ.tai
1337. **ctp. 306-307** se_p,tínez'dā.šims
1338. ,pasi'skólinō.
1339. tai_sap,tínez'dā.šims
1340. ,žamai'tijō.n
1341. ,darbini'kùs
1342. **ctp. 308-309** sep,tínez'dā.šim
1343. tai_kap_kā.turaz,dā.šimtois
1344. da'pā'sα,kó'su
1345. ,á.mžina'-á.tiľsi.
1346. **ctp. 310-311** na,čēľni.'koi
1347. ,pamir'šāu
1348. ,ia_u_lietu'vei.
1349. **ctp. 312-313** ,kur_ia_u
'váikšćō.jęm
1350. ,aci,nežž'i'néjō_vis
1351. ,palei_tvō.'rá.ľ.
1352. **ctp. 314-315** ,trumpa'píenei.
1353. ir_ilga'píenei.
1354. v_ilga'píenei.
1355. ,paskuci'nūs
1356. **ctp. 316-317** ir_ņesi'skíre.
1357. ,ņei_aš_'niēkur
1358. ,ņę-apšu'kó'jō.
1359. ,tai_kap_ap'siř.gušo.
1360. ,ņę-atar'jó'je
1361. **ctp. 318-319** kō,respōn'deñ.tas
1362. ir_ņesi'žā.nijāu
1363. 'pā.sa,kō.jō
1364. kō,respōn'deñ.tas
1365. 'pā.sa,kō.č
1366. **ctp. 320-321** ,neži'nāu
1367. ,šul.ņeka'siřs
1368. ,ir_pas'kui
1369. ,šul.ņeka'siřs
1370. **ctp. 322-323** kap_ne
šul.ņeka'sei
1371. ,ir_bi'tēs
1372. sep,tínez'dā.šims
1373. ,šā.šaz'dā.šims
1374. ,peņj.kez'dā.šims
1375. iš_'kláipe, dō.s_tai

1376. in_kalin'grá.du.
1377. ,nepa'sveĩ.ksta
1378. **ctp. 324-325** ,da.r_ĩl'gãũ
1379. **ctp. 326-327** ,prida'ríta
1380. ,tegu_stóvi
1381. a_ţeizi'néj
1382. ,ir_papɔ.tę'rá.u
1383. ,neme'lúoju
1384. ,vɔ.kie'tĩs
1385. ,ta(i)_i(s)_žmónis
1386. ,nuos_sep'tířnu
1387. ,vɔ.kie'tĩs
1388. ,suzgál'vóji
1389. **ctp. 328-329** ,pamir'šáu
1390. **ctp. 330-331** 'šil.barɔ.vi.kũ.
1391. neĩ_kap_žuuũ
1392. pa'pá.sa.kɔ.šu
1393. tai_kap_nuveis
1394. ,tai_su_vis'kuóm
1395. ,pasa'kĩsi
1396. **ctp. 332-333** ,su_zviem'kójo.m_cik
1397. ne_nukra'císi
1398. tai_kap_su'spáuzę
1399. næ.t_u_řiburz'lójo
1400. ,beple'pédama
1401. ,apteř'kéjo
1402. ,ketvir'tá.dieni
1403. tai_kat_ir_nak'čũ
1404. ,nuzgra'bójo.
1405. ,nesus'tá.iko
1406. **ctp. 334-335** ,zara'sũ
1407. ,ɔ_vie'naň
1408. ,tæ(p)_prař'màtņei
1409. ,negi.'væ.nɔ_gi
1410. u_siragist'rúoje
1411. **ctp. 336-337** ,maka'líne
1412. ,usta'cíc
1413. ža_ľeke'pùrais
1414. ,nein'lĩst
1415. ĵou_neži'nóji
1416. pa'pá.sa.kóřu
1417. ,karĩni'kaĩ
1418. **ctp. 338-339** ,puoli'néje
1419. ĵau_vɔ.kę'čai
1420. ,sužais'tũ
1421. **ctp. 340-341** su_lo.pe'tó.m
1422. ir_neži'náu
1423. **ctp. 342-343** ,apkažzi'néč
1424. ,apkažzi'néji
1425. ,suva'žá.vi.
1426. ir_paiĩmzi'néji
1427. **ctp. 344-345** tai_kap_atva'žá.ɔɔ.
1428. ,amble'mà
1429. **ctp. 346-347** sap_cínez'dæ.řims
1430. ,ta(i)_ĵau_vĩsadu
1431. ,raikřtu'kũ_ti.
1432. tai_ne_bile_kàs
1433. tai_à.kran_tas
1434. ,ketu'ri
1435. **ctp. 348-349** ,nepa_ĩĩř.t_ĵou
1436. ,kap_u'žá.i
1437. ir_praĩci'sè
1438. at_řun'ziné(i)
1439. ,gimi'náicis
1440. ,kap_nu'veĩ.na
1441. ta(i)_ir_ĩř'kiň.kɔ.

1442. ,pamir'šâú
1443. **ctp. 350-351** kat_suci'kâú
1444. ,pana'sai_to.i
1445. ,sulank'scírta
1446. ,pada'ríta_ba
1447. ir_àc̄suñtę.
1448. nuo_trâuku'tęs
1449. ,ne_kab_dar'
1450. ir_guzi'kùcęi
1451. ,męk̄sci'nù
1452. 'vá.sa_riškoi
1453. **ctp. 352-353** 'sprá.zi_las
1454. **ctp. 354-355** ta(i)_isi'lùkšćini
1455. ,rašta'ná.nuosá
1456. ,buč'u'kùs
1457. ,kɔ'sa'rę'
1458. ,męškę'ríkšći.
1459. ,isi'ná'ikina
1460. ,išnuo'má.vi.s_tai
1461. ,priva'žúoje
1462. ,pala'pìnę(s)
1463. ,susi'stá.to.
1464. ,anais_mã.tais
1465. ,akmę'nã.s
1466. ɔ_víenu'rõs
1467. tai_víenu'nàkc
1468. ,peñ.kez'dæ.šims
1469. ,iš_kalva'rìjɔ.s
1470. ,alekt'rìnęis
1471. ,draci'nù
1472. ,meškę'ró'(t)_tai
1473. **ctp. 356-357** tai_nęskañ'žina
1474. ne_usi'dęi
1475. ne_abgá'lęš
1476. tai_víenu'rɔ.s
1477. par'sine_šę.m
1478. ɔ_víenu'rõs
1479. su_kɔ'sa'rę'm
1480. tai_susta'tai
1481. ,susta'tai
1482. ,nenu'nęšt
1483. ,iškle'beñ.s
1484. ne_aci'trá'ukɔu
1485. ,alę_židęliš
1486. ,mari'núo(t)
1487. tai_kap_apsi'vínɔ.ję
1488. tai_kap_apsi'vínɔ.s
1489. ,meškę'rót
1490. ,iñki'šâú
1491. ,dęgtu'kù
1492. i_siru'kìnɔ.
1493. a_cida'rík
1494. **ctp. 358-359** ,pař.ne'šę.m
1495. ,víenu'rɔ.s
1496. uš_prievar'tãũ.s
1497. ,kæ.turaz'dæ.šim
1498. ,anɔ.n_pùsę.n
1499. ,kap_vɔ.'rá.ciñklis
1500. ,kɔ.kɔ.n_viětɔ.n
1501. ,sustara'mì
1502. ir_fa_tagra'fá.u
1503. 'párme_ši
1504. ,anɔ.n_pùsę.n
1505. bet_neži'nãũ.
1506. ne_bi_lę_kɔ.kù
1507. ,septi.'nũ'

1508. ,rãudɔ.'nìku.
1509. ,barα'vĩku.
1510. 'rùda,mę.šu.
1511. ,sarα'jiěškɔ.s
1512. ,nekir'mĩrję
1513. tai_ cik_ aš'túoni
1514. **crp. 360-361** ,víenu'rõs
1515. už_ užkar'dɔ.s
1516. ,prɪsrɪn'káu
1517. ,nepαai'nù
1518. ɔ_ kitu'rõs
1519. ,paɯuo'gáuni
1520. pa,liŋki'nęc
1521. ,rãudɔ'nũ
1522. ,šitei'põs
1523. ,ižgra'bóju
1524. tuos_slbji,kus
1525. tan_ šalditùvan
1526. ,neži'náu
1527. iš_ kalva'rìjɔ.s
1528. ta(s)_ šalditùvas
1529. šalditùvan
1530. su_ viedru'kù
1531. **crp. 362-363** 'šúolai,kini.
1532. ,negra'žùs
1533. ,acseŋzi'nęjɔ.
1534. ,suki'šɔú
1535. ,tegu_ 'væ.žα
1536. ,pančæ'kàs
1537. tai_ nene'šóję
1538. 'mæ.zgę.me
1539. tɔ.s_ labda'rõs
1540. ir_ labda'rõn
1541. jęi_ nuspirk'sì
1542. **crp. 364-365** ,kleťki'nùki_ jãu
1543. ,čemuda'nùkai
1544. ,usi-ãu'gìnɔ.m
1545. at,nežži'nęi
1546. ,pančę.'kùfu.
1547. tai_ ne_ aptu'ręjɔ.m_tai
1548. ,batu'kùs
1549. ,apsiraj'gìmu.
1550. tɔ.n_ labda'rõn
1551. **crp. 366-367** ir_ apse'vìmɔ_ tɔ.
1552. ,priva'žá.vi.
1553. tu_ basan'òšku.
1554. ,viso.'kæušu.
1555. ,nuvažα'vãũ.
1556. ,parva'žá.ɯom
1557. i(š)_ šalditùvɔ.
1558. ,tempęra'túra
1559. ,kɔ.su'lĩs
1560. tai_ šluru'kęs
1561. ,ne_i_neprane'šójãu
1562. kap_ autɔ'lá.pkę.
1563. ,neťur'ęjãu
1564. ,acidavi'nęi
1565. ,kat_ jãu_ 'mán_i_in
1566. ,pasil'sęc
1567. **crp. 368-369** tai_ sugra'bóję
1568. ,prɪsɪsɔ.'zìnɔ.
1569. ke,ļevi'nùkę.n
1570. ,gękta'rùs
1571. ,apsi'dírba
1572. ,nesɔ.'zìna
1573. ,makani'zúotai

1574. ,iška'póję
1575. ,iãneso.'žina
1576. ,sukit'ká'u
1577. ,sunume'róto.s
1578. ,pava'žúosit
1579. ,iãsepti.'nólíko.s
1580. ,kæ.turaz'dæ.šims
1581. ,iãanpeņ.kež'dæ.šim
1582. ,peņ.kež'dæ.šims
1583. darpeņ.kež'dæ.šim
1584. ne,sura'sítai
1585. **ctp. 370-371** ,šim.tagra'mùki.
1586. ,nemi'lù
1587. 'ùžva,kar
1588. ,aci'duõs
1589. u,si-ãu'gìn'
1590. ir,spakai'nà
1591. 'víenu,rõs_i.
1592. kap,škada'vó:iãu
1593. ap'sìveř,kõ"
1594. ,neška'dà
1595. ,razum'nà
1596. **ctp. 372-373** ,nusi'žvã'ngæ
1597. ,škada'vótu.
1598. ,abdrapo.'kúoje
1599. ,kæ.turaz'dæ.šims
1600. ,sumo.'ké'si
1601. ,netu're'si
1602. ,nepař'sineša
1603. ,neji'sijima_tai
1604. ne,raika'línga
1605. tai,suva'žúoje
1606. ,su_tais_pinig
1607. ,vaka'riēnei
1608. ,o_su_kuó
1609. ,kalam'bók
1610. ,isi'tũso
1611. pa,ļengvi'cès
1612. i,siru.'kínam
1613. iš,kalva'rìjo.s
1614. ,neži'nãu
1615. **ctp. 374-375** ,prika'póta
1616. ,nege'rai
1617. ,virtu'vùķę.
1618. ,dasta'cíta_ir
1619. iš,ciman'tã.ũo.m
1620. ,paska'vóji
1621. pri,nume'róto.s
1622. tai,parduo'túm
1623. ,nesu'bũna
1624. ar_ti,septi.'nólíka
1625. ,iki_'gã.lõ.
1626. ,ne-ištu'pét
1627. ,apsi'veř.st
1628. ,neži'nãu
1629. ,datu'pét
1630. ,ãštuo'nólíka
1631. ,isi'séřę.
1632. ,užda'rító.s
1633. ,vienu'sik
1634. ,ne-ap'tvãrtas
1635. **ctp. 376-377** ,indı'kùs
1636. ,ketvir'tã.die_nis
1637. tai,nesis'kũpinu
1638. ,pazap'sũ
1639. ,manga'rìno.

1640. ,iš-parçə'læ.u
1641. ,nesɔ.'zítɔ.s
1642. ,peŋ.kəž'dæ.šims
1643. ,dɔ'bilǎi.
1644. ,drapɔ.'ká.u
1645. ir_drapɔ.'ká.u
1646. tai_drapɔ.'kúoje
1647. tai_pane'šóju
1648. ka(p)_pane'šóju
1649. jǎu_nepum'púok
1650. tai_vaka'rì
1651. ,pa-il'sǎu
1652. ,tegu'_peř.kas
1653. ,pakap'ľúoc
1654. ,vari'néju.
1655. ,vienu'sĩk
1656. ir_kìtu,si.k
1657. **ctp. 378-379** ,nepa'liěkame
1658. ,nepa'liěkam_tai
1659. ,ketu'rì
1660. ,nuva'žúoji
1661. i,šiki'lójem
1662. ,nelai'kíc
1663. ,prišie'náuc
1664. jǎu_apžu.'réc
1665. a'tùšči,nɔ.me
1666. ,nusi'jóje
1667. ,pabørš'císi
1668. kap_uš'fúnzi,tá.i
1669. ,neisira'vet
1670. ,ne-iš'ľĩst
1671. **ctp. 380-381** u,siva'žinɔ
1672. ,nekapla'vǎu
1673. ,vari'nék
1674. jǎu_iš,vari'nétas
1675. pri,siɔ.'žinɔm
1676. ne-ap,siɔ.'kéju.
1677. ,neņu'piř.kɔ
1678. ,kumbai'nístai
1679. tai_aciraman'túoje
1680. ,ižgrǎu'ci
1681. ,ištu.'síci
1682. ,padavi'né(c)
1683. ,pa-imzi'néj
1684. nei,sigrǎu'cì
1685. ,kap_jǎu'_ǎi.nɔ
1686. ,nesɔ.'žinɔ
1687. ne-ap,si'mókɔ_ju
1688. ,ne-ǎu'gìna
1689. **ctp. 382-383** ,kana'pès
1690. ,šali'nùki.
1691. ,kama'ršs
1692. ,aksa'line.
1693. ,vari'lùku.
1694. ka_apsi'žá.nijɔ_tai
1695. ,pamai'nõn
1696. **ctp. 384-385** ,išai'gìne.
1697. ,išai'gìne.
1698. ,nesu'stòs_tì.
1699. an_gazò'ľǎus
1700. iš,palai'dúoje
1701. ,vienu'sĩk
1702. ,prikvė.'púodamas
1703. ,pa-apsi'prá.ti.
1704. ,kap_iš'várɔ.
1705. ,usi'kìš

1706. a'tóstɔ.gɔ'sa
1707. iš,paɫai'dúoc
1708. ,važi'néj̃
1709. ne,važi'néj̃em
1710. ,aci'dúodα
1711. ,neško.'líŋgi
1712. i,šimɔ.'kìnɔ.
1713. ,pamai'nó'sα
1714. ,saži'níŋgai
1715. i,šimɔ.'kìnɔ
1716. kur_nu_kap'čǎe.mieš,čɔ.
1717. ,nepa'ciñk
1718. ,kamba'rĩ's
1719. **стр. 386–387** tai_bil_ekat'rõ's
1720. ,usimai'saĩ
1721. ,vidu'riñ
1722. su_rieba'laĩ.(s)
1723. kɔ.'pũ's,tu.
1724. ,suški.'lě'je
1725. ,suški.'lě'ci
1726. ,sãusai'nùs
1727. jãu_sãusai'nùs
1728. ,geraš'nì
1729. ,riebeš'nì
1730. ,paga'lùku.
1731. ,nesu'sviĩ.t
1732. an_paga'lùku.
1733. kap_kuri'nì
1734. **стр. 388–389** ,atva'žúoj̃e
1735. ,už'u'rě's
1736. ,sarma'tà
1737. ,pal̃eis'tùṽe.
1738. ,apsi'sáugɔ.ž̃
1739. ,vakariε'ná'unam_tai
1740. kap_apsi'sáugɔ.s_nuk
1741. ,nepas'dá.rɔ
1742. ne-,usi-im̃zi'néj̃
1743. ,apsi'žǎe.nij̃ɔu
1744. ir_apsi'sáugɔ.j̃e
1745. ,andarɔ.'kùs
1746. kur_mɔ'te'rìs
1747. ,neži'nãú
1748. ti_pet'rõškuo,sa
1749. su_ṽeži'mù
1750. ,nešva'rì
1751. ,nešva'rì
1752. **стр. 390–391** нет примеров
1753. **стр. 392–393** ,iki_kal'kòzɔ.
1754. a,cimi'nimɔ.
1755. ,pada'rítα
1756. ,šupe'lùkαs
1757. **стр. 394–395** ,ka(t)_ce_ñer
1758. ,iš_tɔ.'páçɔ
1759. insi'tìki,tá.i
1760. ir_sune'sšó'j̃e
1761. ,ir_sprage'laĩ.s
1762. ,priz-pikle'v^uó'j̃ɔ.
1763. **стр. 396–397** нет примеров

